

На правах рукописи

Ружицкий Игорь Васильевич

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН **Караулов Юрий Николаевич**

Официальные оппоненты: **Бубнова Ирина Александровна**, доктор филологических наук, профессор, ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет», заведующая кафедрой зарубежной филологии

Гридина Татьяна Александровна доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», профессор кафедры русского языка

Ведущая организация: ФГБУН Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Защита состоится «21» октября 2015 года в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан « » июля 2015 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Л.А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации объединены результаты многолетней работы автора над Словарём языка Достоевского, касающиеся как отдельных теоретических положений создания концепции многопараметрового словаря языка писателя, так и конкретного их воплощения в ходе конструирования Словаря, составления словарных статей, отражающих в своей структуре особенности авторской языковой личности.

Язык Ф.М. Достоевского в его восприятии современным читателем часто представляется трудным, малопонятным, иногда «небрежным», но одновременно с этим обладающим какой-то особой и необъяснимой притягательной силой. По словам Иосифа Бродского, великим писателем Ф.М. Достоевский стал не из-за неизбежных сюжетных хитросплетений и даже не из-за уникального дара к психологическому анализу и состраданию, но благодаря инструменту или, точнее говоря, физическому материалу, которым он пользовался, т. е. благодаря русскому языку.¹ Во многом это связано с личностью самого писателя – её неоднозначностью и амбивалентностью, находящей отражение в авторском идиостиле. Несмотря на большое количество работ, посвящённых изучению языка Ф.М. Достоевского, нельзя не признать тот факт, что отсутствует его целостное описание, единая концепция. Г.П. Струве писал, что «нет до сих пор словаря языка Достоевского, как и других классических русских писателей, кроме Пушкина <...> как почти нет и детальных разборов отдельных проблем и аспектов его языка»². Причин здесь несколько: и недостаток необходимых для создания такого словаря материальных и интеллектуальных ресурсов, и то, что составление более или менее полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского было завершено только в 1990-м году³, и сложность лексикографического представления многих слов этого, наверное, самого сложного и самого неоднозначного русского писателя и мыслителя.

Именно словарь языка писателя, причём словарь особого типа, идея создания которого принадлежит Ю.Н. Караулову и Е.Л. Гинзбургу, стал не только лексикографической задачей, но и методом изучения языковой личности Ф.М. Достоевского, а также особым способом прочтения его текстов. Сейчас, когда мы находимся на пороге завершения создания такого словаря,

¹ Бродский И. О Достоевском // Власть стихий. М.: Азбука-классика, 2012.

² Струве Г.П. Кое-что о языке Достоевского: употребление Достоевским заимствованных слов и злоупотребление ими // Revue des Études Slaves. Tome 53, fascicule 4, 1981. С. 607.

³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

нерешёнными, тем не менее, продолжают оставаться многие теоретические и практические вопросы его составления.

Актуальность работы, таким образом, обуславливается следующим:

– важностью изучения языка конкретной личности как с точки зрения взаимодействия с общенациональным языком в аспекте соотношения индивидуального и коллективного, так и в качестве возможности познания человека через анализ особенностей его речевой деятельности;

– значимостью такой личности, как Ф.М. Достоевский, являющейся своего рода символом русской национальной культуры;

– необходимостью дальнейшей разработки теории и методики описания и лексикографического представления языковой личности.

Теоретической базой исследования явились работы в следующих областях:

– лингвоперсонологии, в частности, теории языковой личности (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, Н.Д. Голев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина);

– изучения языка Ф.М. Достоевского (М.С. Альтман, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А.А. Белкин, В.Е. Ветловская, В.В. Виноградов, В.П. Владимирцев, Л.П. Гроссман, В.Н. Захаров, Е.А. Иванчикова, А.М. Иорданский, Л.В. Карасёв, Т.А. Касаткина, И.И. Лапшин, Д.С. Лихачёв, В.Н. Топоров, А.В. Чичерин и др.);

– общей лексикографии и теории построения идеографических словарей (Л.Г. Бабенко, Ю.Н. Караулов, Э.В. Кузнецова, В.В. Морковкин, А.Ю. Плущер-Сарно, Ю.Д. Скидаренко, Г.Н. Складарская, И.А. Тарасова, Н.В. Уфимцева, Н.Ю. Шведова, J. Casares, R. Hallig und W. Wartburg, W. Hüllen, M. Rogers, V. Svensen и др.);

– авторской лексикографии (Л.В. Алёшина, В.В. Виноградов, Г.Г. Гельгардт, Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, О.М. Карпова, Б.А. Ларин, О.И. Фонякова, А.В. Фёдоров, Л.Л. Шестакова);

– теории изучения художественного текста, в первую очередь его символической парадигмы (Н.Д. Арутюнова, Г.В. Бамбуляк, Л. Бельтран-Альмерия, А. Белый, В.В. Ветловская, В.В. Виноградов, Л.В. Карасёв, Т.А. Касаткина, Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, Л.О. Чернейко и др.).

Объектом исследования является языковая личность Ф.М. Достоевского, представленная в её трёх ипостасях: 1) идиоглоссарии (словах, характеризующих особенности авторского стиля, идиоглоссах), 2) тезаурусе (идеографической

классификации идиоглосс) и 3) эйдосе (авторских идеях, нашедших отражение в многопараметровом лексикографическом описании идиоглосс).

Предметом данной работы стали идиоглоссы, значимые для репрезентации языковой личности Ф.М. Достоевского, и отдельные параметры их лексикографического представления.

Цель исследования состоит в развитии концепции многопараметрового лексикографического представления языка писателя и на этой основе – в реконструкции языковой личности Ф.М. Достоевского, отражающейся в авторском идиоглоссарии, тезаурусе и эйдосе. Данная цель одновременно имеет герменевтическую направленность – снабдить современного читателя ресурсом, способствующим более адекватному пониманию текстов Ф.М. Достоевского.

Поставленная цель достигается в процессе решения следующих **задач**:

1. Определить содержание и соотношение категорий «образ автора» и «языковая личность», введённых В.В. Виноградовым с целью исследования языка писателя, являющихся основными инструментами изучения художественных, публицистических и эпистолярных текстов Ф.М. Достоевского; проанализировать концепцию языковой личности Ю.Н. Караулова, расширить её отдельные положения и показать возможности применения данной концепции в лексикографической практике.

2. Систематизировать лексикографические параметры и произвести многопараметровое описание основных типов писательских словарей.

3. Представить целостную концепцию Словаря языка Достоевского, выступающего в качестве метода реконструкции языковой личности писателя.

4. Определить содержание ключевого для концепции Словаря языка Достоевского понятия «идиоглосса», разработать методику выявления идиоглосс в текстах писателя; выявить способы экспликации автонимного употребления слова в текстах Ф.М. Достоевского как одного из критериев подтверждения его идиоглоссного статуса.

5. Показать возможности использования ресурсов Словаря языка Достоевского для многоаспектного анализа и реконструкции языковой личности писателя.

6. В рамках углублённого изучения авторского идиостиля провести экспериментальное исследование по выявлению лексико-тематических областей в текстах Ф.М. Достоевского, непонятных современному читателю; предложить модель их лексикографического представления.

7. Определить и классифицировать основные случаи отклонения от современной языковой нормы в произведениях Ф.М. Достоевского, являющиеся определённым препятствием в восприятии их современным читателем.

8. Предложить новую трактовку таких понятий, как «символическое употребление слова», «символическое значение» и «символическая парадигма», выявить основные типы символов, встречающихся в текстах Ф.М. Достоевского, дать их классификацию.

9. Сформировать систему базовых принципов конструирования авторского тезауруса и на этой основе разработать идеографическую классификацию ключевых для идиостиля Ф.М. Достоевского слов.

10. Изучить функции афоризмов в текстах Ф.М. Достоевского; построить их идеографическую классификацию, непосредственным образом отражающую авторский эйдос; провести статистический анализ степени афористичности идиоглосс.

11. Рассмотреть функции и свойства языковой игры в текстах Ф.М. Достоевского, выявить основные авторские интенции её использования, классифицировать типы игрового употребления слова.

В качестве **материала** исследования использовались тексты художественных произведений, публицистики, личных и деловых писем Ф.М. Достоевского, представленные в полном собрании сочинений писателя; словарные статьи Словаря языка Достоевского⁴, в том числе и неизданные; языковые факты, зафиксированные в писательских и других словарях; лингвистические комментарии к произведениям Ф.М. Достоевского. Кроме того, привлекались различные поисковые системы и базы данных, в частности, Национальный корпус русского языка (см. [<http://ruscorpora.ru>]).

Таким образом, изучались только письменные, более того – обработанные в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации источники. Записные книжки, черновики, наброски в работе практически не рассматривались, так же как и многочисленные мемуары современников Ф.М. Достоевского, в которых оценка творчества и языка писателя часто сомнительна и произвольна. Такое ограничение исследовательского материала

⁴ Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Под ред. Ю.Н. Караулова. Вып. I–III. М.: Азбуковник, 2001, 2003, 2003; Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В; Г–З; И–М) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008, 2010, 2012.

связано прежде всего с тем, что нас в основном интересовало представление текстов Ф.М. Достоевского в восприятии современным читателем.

В работе используются основные общенаучные **методы** наблюдения, сравнения и описания, направленные на обобщение полученных результатов, анализ и интерпретацию данных, их систематизацию и классификацию. Кроме того, для решения поставленных задач были задействованы:

- лексикографический метод представления языкового материала на базе реализации теоретических положений исследования;

- контекстуальный, дистрибутивный и компонентный анализ при определении значений ключевых для авторского стиля слов;

- метод эксперимента, экспертных оценок и пилотажного опроса при выявлении значимых для авторской языковой картины мира лексем;

- корпусные методы изучения языка, основанные на использовании новых информационных технологий;

- статистический метод, в том числе и метод компьютерной обработки данных;

- сравнительно-сопоставительный метод, используемый при анализе значения и употребления различного типа лексических единиц в языке писателей XIX века.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые реконструкция языковой личности Ф.М. Достоевского осуществлена с применением метода её многопараметрового словарного представления. В ходе исследования

- разработана методика выявления значимых для идиостиля Ф.М. Достоевского единиц, квалифицирован их стилеобразующий и тезаурусообразующий статус;

- предложена оригинальная целостная концепция построения авторского тезауруса, в основе которой лежит учёт символического потенциала отдельных языковых единиц, употребляемых автором;

- обоснована особая роль ассоциативного ряда как единицы авторской языковой картины мира;

- предложена трактовка автонимного употребления слова, являющегося индикатором его особой значимости для автора, выявлены возможные способы задания автонимности в тексте;

- определено понятие атопона, выделены типы атопонов, коррелирующие с единицами уровней языковой личности; предложена модель словаря атопонов;

– дана трактовка нестандартного употребления слова, определены его типы и функции;

– разработан новый подход к определению понятия игрового употребления слова, рассмотрены функции игры слов в текстах Ф.М. Достоевского в их связи с авторскими интенциями, показаны основные способы создания языковой игры;

– дана всесторонняя характеристика такой когнитивной единицы, как афоризм, выявлены функции суждений афористического типа в текстах разных жанров, разработаны теоретические основы классификации афоризмов.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении и конкретизации концепции словаря языка писателя, направленной на многоаспектное представление идиостиля, в связи с чем получили развитие отдельные положения теории языковой личности, лежащие в основе построения такого словаря, а также в создании основополагающих принципов изучения авторского мировосприятия через анализ различных особенностей его речевой деятельности – текстов разных жанров.

Практическая ценность настоящей работы состоит в том, что

– результаты исследования внедрены в практику составления словаря языка писателя, конкретно – Словаря языка Достоевского, а представленная в диссертации концепция может быть использована при моделировании других словарей аналогичного типа;

– материал, собранный и систематизированный в ходе проведения исследования, может быть использован для создания словаря афористики Ф.М. Достоевского, словаря непонятных или малопонятных единиц, встречающихся в его текстах (глоссария), а также используемых в текстах авторских новообразований;

– результаты исследования, а также задействованный в нём материал могут быть востребованы в лекционных курсах по лингвопоэтике, стилистике, лексикологии, лексикографии, истории русского литературного языка; несомненной также является возможность их внедрения в практику преподавания классической литературы и русского языка в средней школе.

– конкретные результаты и выводы исследования используются при разработке лекционных курсов по функциональной лексикологии и лингвокультурологии для студентов, магистрантов и аспирантов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трёхуровневое строение языковой личности сопоставимо с тремя аспектами изучения языкового знака, в первую очередь лексической единицы: семантическим (уровень значения), когнитивным (уровень знаний и образов, представлений) и прагматическим (уровень эмоций, оценок и стилистической окрашенности). В структуру языковой личности, таким образом, входят три уровня – вербально-семантический (лексикон), когнитивный (тезаурусный, уровень картины мира) и прагматический (мотивационный). Каждый уровень характеризуется набором специфических элементов, коррелирующих с параметрами лексикографического представления конкретной языковой личности, такими как авторские интенции, эксплицирующиеся, например, в автонимном или игровом употреблении слова, а также в способах оперирования различного типа отсылками к прецедентным текстам, цепочки семантических ассоциатов, мнемы (совокупности ассоциаций, хранящихся в коллективной памяти), метафоры, фреймы, определённого типа идиомы, слова-идиоглоссы и др.

2. Построение многопараметрового словаря языка Ф.М. Достоевского является одновременно методом реконструкции языковой личности писателя, что позволяет реализовать комплексный подход в изучении авторского идиостиля, отсутствующий в современной достоевистике. Совокупность лексикографических параметров зависит от особенностей языка писателя, что обуславливает концепцию конструирования словаря, в свою очередь определяющую необходимость ввода тех или иных показателей, критериев отбора, структурирования и описания материала.

3. Процедура выявления идиоглосс включает в себя следующие шаги: экспертная оценка; учёт данных существующих исследований, посвящённых функционированию слова в текстах Ф.М. Достоевского; фиксация вхождения слова в название произведения или в название какой-либо его части; анализ особенностей употребления слова в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма; учёт авторской рефлексии над значением слова; наблюдение над использованием слова в игровом контексте; статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя.

4. Словарь языка Достоевского характеризуется такими показателями – параметрами лексикографического представления языковой личности: вход, которым является идиоглосса; частота употребления описываемой идиоглоссы, в том числе и её пожанровое распределение; определение значения идиоглоссы;

иллюстрации с обязательным указанием на их источник; словоуказатель; фиксация употреблений в составе фразеологических единиц, пословиц, поговорок, имени собственного; употребление в составе афоризма; автонимное употребление; неразличение значений слова в одном контексте; игровое употребление идиоглоссы; использование в одном контексте двух или нескольких идиоглосс в разных значениях; употребление однокоренных слов в одном контексте; символическое употребление идиоглоссы; ассоциативно-семантические связи описываемого слова; гипотаксис; паратаксис; нестандартное употребление; морфологические особенности идиоглоссы; употребление в ироническом контексте; употребление идиоглоссы в составе тропов; использование описываемой идиоглоссы в составе чужой речи; словообразовательное гнездо. Факультативной зоной словарной статьи Словаря являются примечания – к слову, к значению, к отдельным зонам комментария, которые допускают введение дополнительных параметров описания языковой личности, например, употребление описываемой идиоглоссы в той или иной фигуре речи или различного рода наблюдения над авторскими интенциями.

5. Особенности авторской языковой личности выявляются не только через многопараметровый анализ используемых писателем идиоглосс, но и через анализ употребления различного типа единиц непонимания – атопонов, коррелирующих с единицами уровней языковой личности (атопоны-агнонимы, атопоны-когнемы и атопоны-прагмемы). Классификация атопонов позволяет сделать заключение относительно авторских интенций в использовании непонятных или малопонятных слов.

6. Определённым препятствием в восприятии текстов Ф.М. Достоевского являются разнообразные отклонения от существующей языковой нормы, прежде всего – нарушения лексической и грамматической сочетаемости. Классификация таких случаев нестандартного употребления слова отражает системность и возможную сознательность их использования автором. Особую функцию среди нестандартных сочетаний выполняют наречные интенсификаторы, употребление которых характеризует как некоторые особенности внутренней речи, так и одну из ключевых авторских интенций, заключающуюся в стремлении к усилению определённых смыслов.

7. Наиболее показательным способом отражения картины мира конкретной языковой личности является идеографическое представление её лексикона. Основными принципами составления авторского тезауруса являются следующие: 1) в первую очередь группируются идиоглоссы, вошедшие в исходный словник

Словаря языка Достоевского; 2) идиоглоссы объединяются вокруг смыслов, являющихся базовыми для слов-символов Ф.М. Достоевского, которые можно квалифицировать как архетипы, ядерные элементы эйдоса писателя; 3) в дальнейшем в тезаурус включаются слова, связанные с идиоглоссами ассоциативно-смысловыми отношениями. Ядром тезауруса Достоевского является идиоглосса «человек», связанная в первую очередь с такими архетипическими смыслами, как 'жизнь' ↔ 'время' ↔ 'смерть' ↔ 'любовь' ↔ 'болезнь' ↔ 'страх' ↔ 'смех'. Тезаурус, построенный по такой модели, позволяет показать особенности индивидуальной картины мира, по крайней мере применительно к творчеству Ф.М. Достоевского, одной из характерных черт которого является символизация в репрезентации действительности.

8. Одна из важнейших отличительных черт творчества Ф.М. Достоевского состоит в его склонности к созданию и использованию суждений, обладающих свойствами афоризма. Классификация и статистический анализ входящих в их состав идиоглосс позволяет выявить некоторые характерные черты авторского эйдоса – систему базовых идей и интенций, отражающих мировоззрение писателя. Авторские интенции также раскрываются в частом сознательном отклонении от языковой нормы, выполняемом в познавательной функции (для поиска способов выражения различного рода смысловых оттенков) или для создания комического эффекта. В предельном обобщении эйдос Ф.М. Достоевского сконцентрирован вокруг неопределённости и рефлексивного усиления (нагнетания смысла), находящих отражение в большинстве используемых автором языковых средств.

Апробация и внедрение результатов исследования:

Отдельные положения и результаты исследования были изложены в 2 монографиях, 86 научных, научно-методических и лексикографических работах (прежде всего – в Словаре языка Достоевского), опубликованы в учебных, а также периодических изданиях, 16 из которых рекомендованы ВАК РФ; обсуждались на следующих конференциях: Международная конференция «Русская литература и культура в европейском культурном наследии», Гёттинген, 2015; I, III, IV и V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, 2001, 2007, 2010, 2014; Научная конференция «Ломоносовские чтения», Москва, 2003, 2012; Международная научная конференция «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ», Екатеринбург, 2011; Научный семинар «Русское культурное пространство», Москва, 2011; III, IV и V Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы», Москва, 2004, 2007, 2011; Научно-практическая выездная сессия МАПРЯЛ «Русисты России – русистам СНГ», Астана, 2011; Межвузовская учебно-методическая конференция «Учебно-методические, психолого-педагогические и культурологические аспекты обучения иностранных учащихся в вузе», Тверь, 2010; II Международная конференция «Русский язык и

литература в международном общеобразовательном пространстве: современное состояние и перспективы», Гранада, 2010; Международный семинар «Русский язык и методика его преподавания», Салоники, 2010; Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность», Старая Русса, 2002, 2008, 2009; III Международный симпозиум «Русская словесность в мировом и культурном контексте», Москва–Покровское, 2009; Международная конференция «Язык и культура», Киев, 1993, 1994, 2009; Международная научно-практическая конференция «Этот вечный город Глупов...», Тверь, 2009; Международная научная конференция «Россия в многополярном мире: образ России в Болгарии, образ Болгарии в России», Санкт-Петербург, 2009; Всероссийская научно-практическая конференция «Словесник. Учитель. Личность», Чебоксары, 2009; Международная интернет-конференция «Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом», Москва, 2009; XXXIII Международные чтения «Достоевский и мировая культура», Санкт-Петербург, 2008; III Международная научно-методическая конференция «Теория и технология иноязычного образования», Симферополь, 2008; Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности // Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы», Москва, 2008; XI Конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире», Варна, 2007; Международная научная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы», Гранада, 2007; Международная научная конференция «Новиковские чтения», Москва, 2006; Международный конгресс по креативности и психологии искусства, Пермь, 2005; Международная научная конференция «Прошлое и настоящее России в свете языковых фактов», Краков, 2005; Международный рабочий семинар «Русский язык сквозь века: мозаика языка, литературы и культуры», Нью-Дели, 2005; Международная научно-практическая конференция «Мотинские чтения», Москва, 2005; X Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре», Санкт-Петербург, 2003; Международный симпозиум «Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста», Волгоград, 2003; Международная конференция «Русский язык в диалоге национальных культур государств-участников СНГ в XXI веке», Москва, 2003; Международный симпозиум «Достоевский в современном мире», Москва, 2001; Международная научная конференция «Изменяющийся языковой мир», Пермь, 2001; Конференция-семинар МАПРЯЛ «Эстетическое восприятие художественного текста», Санкт-Петербург, 1993; Международный симпозиум «Философия языка в границах и вне границ», Харьков–Краснодар, 1993; Республиканская научная конференция «Розановские чтения», Елец, 1993; Конференция молодых учёных-филологов и школьных учителей «Актуальные проблемы филологии в вузе и школе», Тверь, 1993, 1991; III Городская научно-методическая конференция «Совершенствование содержания, форм и методов обучения русскому языку иностранных студентов», Калинин, 1989; Конференция молодых учёных и школьных учителей «Проблемы развития филологических наук на современном этапе», Калинин, 1989; докладывались на различных заседаниях: Учёного совета Института русского языка им. В.В. Виноградова, Москва, 2012; Группы Словаря языка Достоевского Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова, Москва, 2008, 2012; Института динамического консерватизма, Москва, 2011; кафедры

русского языка для иностранных учащихся филологического факультета и кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2001, 2007; внедрены в учебные программы и лекционные курсы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: «Русская языковая личность: лексикографические представления», «Введение в герменевтику», «Культурология», «Функциональная лексикология» (для специалистов, магистрантов, аспирантов), «Концепция языковой личности и интерпретативный перевод»; отражены в открытых лекциях, прочитанных в Барселонском университете (Барселона, 2013), на Фестивале науки (Москва, 2012), в Южном Федеральном университете (Ростов-на-Дону, 2007), Копенгагенском университете (Копенгаген, 2006), Делийском университете (Нью-Дели, 2005); апробировались в ходе выполнения научно-исследовательских проектов: грант РГНФ «Информационная система когнитивных экспериментов (ИСКЭ)» 2012–2014 гг. № 12-04-12039, грант РГНФ «Система лексикографических параметров как способ представления языковой личности» 2011–2013 гг. № 11-04-0441, грант РГНФ «Восприятие и оценка образа России инокультурной языковой личностью» 2006–2008 гг. № 06–04–00439а.

Полный текст диссертации обсуждался на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 29 апреля 2015 года.

Объём и структура исследования. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованной литературы (в том числе интернет-ресурсов), включающего 1386 наименований, и 7 приложений. Общий объём диссертации – 647 страниц, объём основного текста – 394 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертации аргументируется актуальность работы, определяются предмет и объект исследования, раскрываются его цели и задачи, характеризуются методы исследования, обосновывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава исследования **«Возникновение и развитие концепции языковой личности»** посвящена теоретическому обоснованию возможностей реализации теории языковой личности в лексикографической практике, а именно при составлении словаря языка писателя, отражающего основные особенности его идиостиля и картины мира.

Категории «образ автора», «образ ратора» и «языковая личность», введённые в научный обиход В.В. Виноградовым, образуют одну терминологическую парадигму, направленную на решение ряда исследовательских задач, таких как определение диалектического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы;

объединение литературоведческих и лингвистических методов изучения художественного текста в рамках одной дисциплины, лингвопоэтики, и др. Данные понятия следует чётко разграничивать. «Образ автора» – это реализация соотношения писателя, повествователя (рассказчика) и персонажей, проявляющаяся в идейно-стилевом содержании художественного произведения. В этом соотношении заключается одна из важнейших и часто принципиально не подлежащих какому-либо окончательному решению проблем – выявление в художественном тексте собственно авторской позиции.

Для нас является очевидным проявление образа автора на всех уровнях структуры художественного текста, прежде всего – на языковом. Из этого следует возможность реконструкции авторской точки зрения через анализ языка художественного произведения, и чем больше степень имплицитности в выражении этой точки зрения, тем интересней становится данный материал для исследователя. Не случайно, следовательно, то, что свои теоретические построения В.В. Виноградов иллюстрировал в первую очередь примерами из текстов произведений Ф.М. Достоевского, писателя, который благодаря своей ярко выраженной нестандартности, экспериментированию с литературным языком и функциональными стилями создаёт у читателя впечатление абсолютного растворения автора в тексте.

«Образ ритор» в отличие от «образа автора» имеет коллективную, а не индивидуальную природу и ярче всего проявляется в публицистическом тексте. К его свойствам относятся, например, стилевая стандартизация; функционирование только в качестве средства для восприятия читателем идейного содержания текста и др. По отношению к творчеству Ф.М. Достоевского противопоставление «образа автора» и «образа ритор» является весьма условным, что связано со многими факторами: сложным процессом взаимодействия в XIX веке языка публицистики, языка художественной литературы и нормативного литературного языка; осознанием Ф.М. Достоевским, особенно в последние годы жизни, своей пророческой роли, следствием чего явилось частое использование в художественных текстах языковых средств, относящихся к «образу ритор», и т. п.

Что касается понятия «языковая личность», на которое мы опираемся в данном исследовании, то им обозначается вся совокупность произведённых автором текстов, прежде всего их лексикон. Изучая письменное наследие Ф.М. Достоевского, представленное в полном собрании его сочинений, мы реконструируем только фрагмент его языковой личности, что представляется

вполне оправданным, если в качестве основной выдвигается герменевтическая задача, а именно – изучение особенностей (в первую очередь препятствий) восприятия Ф.М. Достоевского современным читателем. Более того, изучение любой языковой личности окажется фрагментарным, поскольку мы не в состоянии наблюдать все созданные человеком на протяжении его жизни тексты, тем более в их динамике и пресуппозициях. Фрагментарная представленность языковой личности, учитывая фрактальный характер данного объекта, не препятствует, тем не менее, эвентуальности её более или менее интегративного описания.

Читатель в процессе восприятия произведений Ф.М. Достоевского вступает прежде всего во взаимодействие с созданными автором образами (языковыми личностями), ставя себя на их место и часто отождествляя с самим писателем. В результате читатель «слышит» голос автора и в художественных произведениях, и в публицистике, и в его личных и деловых письмах. Между тем, если в художественном произведении образ автора вступает в тесное переплетение с образами персонажей, то в публицистике он непременно вплетается в историко-культурный контекст, становится образом ратора, а в письмах обусловлен их адресатом, т. е. языковой личностью их непосредственного читателя, что также может завуалировать его проявление.

Основная идея концепции, на которую мы опираемся в настоящем исследовании, состоит в возможности познания человека через изучение его речевой деятельности. Языковая личность, таким образом, рассматривается как личность, реконструированная в своих основных чертах на основе употребляемых ею языковых средств. В качестве базовой мы принимаем модель языковой личности, предложенную Ю.Н. Карауловым, явившуюся закономерным результатом междисциплинарных исследований языка, осуществляемых на стыке прежде всего таких наук, как лингвистика, литературоведение, психолингвистика и когнитивистика.

Модель языковой личности Ю.Н. Караулова представляет собой открытую систему, имеющую трёхуровневое строение, сопоставимое с тремя аспектами изучения языкового знака: семантическим (уровень значения), когнитивным (уровень знаний и образов, представлений) и прагматическим (уровень эмоций, оценок и стилистической окрашенности). Соответственно, уровнями языковой личности являются: вербально-семантический (лексикон), когнитивный (тезаурусный, языковая картина мира) и прагматический (мотивационный), каждый из которых характеризуется наличием

1) специфических единиц, 2) определённых типов отношений между единицами, 3) вариативной и инвариантной частей, 4) стереотипов и 5) готовностей. Для решения поставленных в диссертации задач наибольший интерес представляет такой параметр языковой личности, как единицы её структуры. К единицам лексикона относятся слова, рассматриваемые с точки зрения реализации денотативно-сигнификативного компонента их значения. Тезаурус составляют когемы (единицы знаний) – концепты, метафоры, фреймы, определённого типа идиомы и др., а также введённые нами с целью более полного лексикографического представления конкретной языковой личности такие единицы, как мнема (совокупность ассоциаций различного типа, хранящихся в коллективной памяти) и цепочка семантических ассоциатов, выявляемых из контекста. Мотивационный уровень языковой личности формируют её творческие интенции, реализуемые, например, в создании иронии, оперировании прецедентными текстами, игровом употреблении слова и т. д. Его единицы всегда определённым образом связаны с рефлексией (соотнесением чего-то нового с уже известным) и/или пресуппозицией (внесловесным, «физическим» контекстом), они могут вербализовываться словом, словосочетанием или предложением (модальные частицы, междометия, стилистически маркированная лексика, авторские новообразования и др.), отсылкой к прецедентному тексту, фразой, авторской речью или речью персонажа и целым текстом.

В диссертации рассмотрены две группы параметров, значимых для описания конкретной языковой личности. Первая включает в себя такие показатели, как степень влияния на литературный язык, временные, локальные, профессиональные, гендерные особенности языковой личности; культурные и субкультурные параметры, коммуникативные и социопсихолингвистические характеристики. К параметрам, наиболее ярко характеризующим языковую личность Ф.М. Достоевского, относятся ‘элитарность’ (большая степень влияния на литературный язык и языковое сознание носителей языка, а также строгая избирательность в выборе языковых средств), ‘пассионарность’ и ‘креативность’ (сознательное экспериментирование с языком, нарушение его норм и традиций). Ко второй группе относятся лексикографические параметры, позволяющие через построение словаря языка писателя особого типа зафиксировать особенности авторской языковой личности.

Во второй главе диссертации **«Словарь языка писателя как метод реконструкции языковой личности»** даётся аналитический обзор литературы,

посвящённой особенностям языка Ф.М. Достоевского, проводится многопараметровое исследование писательских словарей, анализируется концепция Словаря языка Достоевского и развиваются её отдельные положения.

Основные направления исследования языка Ф.М. Достоевского включают в себя изучение творчества писателя в сравнении с другими авторами (сравнительно-сопоставительные работы); его языка как способа проникновения в образ автора; «технологии» создания художественного текста; анализ полифонической структуры романа; языковых особенностей отдельных произведений и используемых в них изобразительных средств (способов создания комического эффекта, семантических и звуковых повторов, типов сравнений, функций модальных частиц в контексте одного произведения); особенностей построения художественного произведения, композиции фраз, ритма и темпа речи персонажей, интонации, синтаксиса; невербальных аспектов коммуникации (пресуппозиции, языка жестов и мимики, умолчания, пауз); способов и функций выделения в тексте (курсива и кавычек) и др. Для решения поставленных в диссертации задач наиболее значимыми представляются исследования лексического строя идиолекта писателя – особенностей авторской фразеологии, в том числе и модификаций фразеологических единиц; символики, в частности, системы цветообозначений; имён собственных и топонимов; авторских новообразований; концептов и способов их вербализации, отдельных слов, характеризующих идиостиль и языковую картину мира писателя.

Несмотря на то, что в сфере интересов исследователей находятся самые разные особенности идиостиля Ф.М. Достоевского, отсутствует комплексный подход, позволяющий осуществить интегративное представление языковой личности писателя, которое может быть реализовано в ходе создания многопараметрового словаря его языка. Система выявленных лексикографических параметров показывает основные типы писательских словарей и определяет место Словаря языка Достоевского в данной лексикографической парадигме. Среди параметров словаря языка писателя выделяются следующие: характеристика исходного материала (текст нескольких произведений, одного произведения или всё дошедшее до нас авторское наследие); тип входа в словарную статью; включение в словник личных имён и географических названий; частотность; словоуказатель; грамматические пометы; морфемное членение; орфографические особенности; фонетические характеристики; словообразовательная парадигма; стилистические пометы; дефиниция; иллюстрация; фиксация фразеологических единиц; в том числе

пословиц и поговорок; поле (семантическое, тематическое, лексический класс); библиографический параметр; отдельная фиксация варваризмов; соотносённость с жанром; распределение по периодам творчества; отсылки к прецедентным текстам; тропеические употребления; индивидуально-авторские особенности употребления слова.

Проведённый анализ 84 писательских словарей позволил сделать следующие выводы:

1. С самого начала возникновения авторской лексикографии большое внимание уделялось частотному анализу лексикона писателя, с появлением же возможностей компьютерной обработки данных интерес к частотным словарям резко возрос. Использование статистических сведений создаёт ощущение наглядности и объективности, однако их необходимо сочетать с параметрами другого рода, раскрывающими особенности функционирования слова в художественном тексте.

2. Одним из ключевых моментов теории построения писательских словарей является вопрос о характере словника – описание либо всех встречающихся у автора слов, либо осуществление по определённому принципу некоторой выборки (например, соответствие или несоответствие нормам литературного языка).

3. Одной из тенденций развития авторской лексикографии следует считать увеличение общего числа параметров, используемых для характеристики описываемых единиц. Можно, однако, констатировать тот факт, что, за редким исключением, многопараметровых писательских словарей, охватывающих всё творчество писателя, практически не существует.

4. По отношению к словарям языка писателя действует «закон свободы параметров», сформулированный Ю.Н. Карауловым: частота употребления слова может сочетаться с дефиницией, контекстом, использованием в составе фразеологических единиц и т. п., при этом существуют словари, вовсе не учитывающие данный параметр. Говорить о каком-то установившемся в практике составления писательских словарей едином типовом сочетании параметров не представляется возможным. Совокупность параметров определяется в первую очередь субъективным фактором – выбранной для конструирования словаря концепцией и, во-вторых, особенностями языка писателя, иногда «диктующими» необходимость ввода определённых показателей его описания.

5. В последние годы в связи с бурным развитием психолингвистики, когнитивных наук и лингвокультурологии в писательских словарях стали использовать новые виды входа, такие, как, например, концепт или отсылка к прецедентному тексту, соответственно, появляются и новые параметры, а также их сочетания для описания такого рода единиц.

Словари языка писателя составляют самостоятельный раздел лексикографии, причём, в зависимости от исследовательских приоритетов, т. е., по сути, от выбора совокупности лексикографических параметров, они могут служить как инструментом изучения влияния писателя на становление литературного языка, так и методом реконструкции его языковой личности.

При создании концепции Словаря языка Достоевского учитывались идеи, заложенные в отечественной авторской лексикографии как на самых ранних этапах её становления (например, целесообразность описания не всего лексикона писателя, а какой-то определённой его части), так и появившиеся относительно недавно (учёт зависимости описания значения слова от жанровой отнесённости текста, в котором это слово используется; включение в структуру словарной статьи многопараметрового лингвистического комментария и др.).

Словарь языка Достоевского характеризуется следующими показателями – параметрами лексикографического представления языковой личности: вход, которым является идиоглосса; частота употребления описываемой идиоглоссы, в том числе и её пожанровое распределение; определение значения идиоглоссы; иллюстрации с обязательным указанием на их источник; словоуказатель; фиксация употреблений в составе фразеологических единиц, пословиц, поговорок, имени собственного; употребление в составе афоризма; автонимное употребление; неразличение значений слова в одном контексте; игровое употребление идиоглоссы; использование в одном контексте идиоглосс в разных значениях; употребление однокоренных слов в одном контексте; символическое употребление идиоглоссы; ассоциативно-семантические связи описываемого слова; гипотаксис; паратаксис; нестандартное употребление; морфологические особенности идиоглоссы; употребление в ироническом контексте; употребление идиоглоссы в составе тропов; использование описываемой идиоглоссы в составе чужой речи; словообразовательное гнездо. Факультативной зоной словарной статьи Словаря являются примечания – к слову, к значению, к отдельным зонам комментария, которые допускают введение дополнительных параметров описания языковой личности, например, употребление описываемой идиоглоссы

в той или иной фигуре речи или различного рода наблюдения над авторскими интенциями.

Описание в Словаре не всех слов, встречающихся в текстах писателя, а только идиоглосс является его принципиальной особенностью. Процедура выявления идиоглосс включает в себя следующие шаги: экспертная оценка; учёт данных существующих исследований, посвящённых функционированию слова в текстах Ф.М. Достоевского; фиксация вхождения слова в название произведения или в название какой-либо его части; анализ особенностей употребления слова в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма; учёт авторской рефлексии над значением слова; наблюдение над использованием слова в игровом контексте; статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; апробация в ходе проведения пилотажного опроса. Другой характерологической особенностью Словаря является практически полный отказ от такой категории, как «оттенок значения», описываются только лексико-семантические варианты значения идиоглоссы, в качестве иллюстраций приводятся примеры из разных жанров и периодов творчества Ф.М. Достоевского. И, наконец, третья ключевая особенность Словаря состоит в наличии в каждой словарной статье лингвистического комментария, параметры которого коррелируют с единицами уровней языковой личности.

Таким образом, разработанная структура словарной статьи Словаря языка Достоевского ориентирована на реконструкцию картины мира автора, а зоны комментария являются показателями, характеризующими его языковую личность. Соответственно, многопараметровый словарь языка писателя данного типа выполняет не только справочные функции, но и является особым способом прочтения текстов писателя, а само конструирование такого рода словаря является методом, обладающим большим исследовательским потенциалом, дающим возможность обогатить представления о языковой личности Ф.М. Достоевского и стать инструментом изучения его идиостиля.

В третьей главе диссертации **«Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос в структуре языковой личности Ф.М. Достоевского»** показаны возможности использования ресурсов Словаря языка Достоевского для реконструкции языковой личности писателя. Верификация и описание данного метода производится на материале ряда написанных нами словарных статей.

Лексикон писателя, тем более такого сложного и многогранного, как Ф.М. Достоевский, в высшей степени неоднороден, что обусловлено жанровым

разнообразием текстов, таким свойством языковой личности, как способность к развитию (некоторые слова встречаются исключительно в текстах первого периода творчества Ф.М. Достоевского, другие, наоборот, стали употребляться только начиная со второго периода и т. д.). Неоднородность лексики проявляется и в противопоставлении ключевых, важных для передачи смысла текста единиц, неключевым. К ключевым словам относятся слова-концепты, конструктивные центры концептосферы Достоевского, определяющие его взгляд на мир (*жизнь, время, человек, любовь, ненависть* и т. п.), и слова, характеризующие прежде всего особенности авторского стиля, являющиеся знаками авторской манеры письма (*делишки, дурак, дурь, вдруг* и др.)

С использованием ресурсов Словаря языка Достоевского в диссертации изучено функционирование в текстах писателя таких идиоглосс, как *ад, адский, адов, Америка, американский, баня (банька), безумие, безумный, вдруг, влюбиться, любовь, влюблённый, всечеловек, всечеловеческий, общечеловек, общечеловеческий, глупость, глупо, давеча, глупо, думать, дурак, маска*, показаны их эпидигматические, подчинительные и сочинительные связи, возможность употребления в составе фразеологизмов, тропов, афоризмов, в ироническом и игровом контексте, в отсылках к прецедентному тексту и др.

Сделаны выводы об ассоциативно-семантических ассоциатах названных выше слов: например, для идиоглоссы «Америка»: *место, где можно скрыться* → *бегство* → *бессмысленность бегства* → *самоубийство* → *вечность* → «*свобода*» (данный ассоциативный ряд отражает одну из выявленных нами скрытых идеологем Ф.М. Достоевского); для идиоглоссы «баня»: *другой мир* → *науки* → *вечность* → *самоубийство* и т. д.

Анализ функционирования идиоглоссы «вдруг» позволил высказать предположение о том, что в этом слове сконцентрировано отношение Ф.М. Достоевского ко времени и к любому человеческому поступку в этом времени. В нём – случайность, неожиданность, а главное – неподчинённость поступка и мысли объективным причинно-следственным законам. *Вдруг*, реализуя такие семантические оппозиции, как **рациональность ≠ иррациональность, случайность ≠ закономерность, одновременность ≠ последовательность, мгновенность ≠ постепенность, целиком ≠ по частям, непредсказуемость ≠ заданность** и т. п., выполняет тезаурусообразующую функцию, скрепляя остальные элементы текстов писателя, обеспечивая их связанность и целостность.

Многопараметровое изучение идиоглосс «всечеловек, всечеловеческий, общечеловек, общечеловеческий» показало, что даже низкочастотные единицы в контексте всего творчества писателя могут приобретать концептуальную значимость. *Всечеловеческий* у Ф.М. Достоевского не просто ‘важный, значимый, имеющий единые для всех людей ценности’, но и ‘являющийся частью своего, народного, национального’ («всемирная отзывчивость» и «всемирное боление» за всех). В этом заключена и особая роль России в единении всех народов, и предназначение русской интеллигенции, и связь *всечеловеческий/всечеловек* с другими идиоглоссами, такими как *страдать* и *Христос*. Что касается *общечеловеческий*, то это часто слово-ширма, некий абстрактный идеал, за который прятались либералы, оторванные от народа, а *общечеловек* – человек отвлечённый, «человек из бумажки», любить которого, как и отвлечённое человечество, намного проще, чем человека живого и конкретного, но одновременно – совершенно бессмысленно.

Анализ гипотаксиса слова «глупость» позволил сделать выводы о связи этой идиоглоссы со следующими лексико-семантическими группами: ‘безнравственный поступок или неприличное поведение, пошлость’ (*низость, подлость, зависть, мерзость, умысел, дерзость, неприличие, наглость, свинство, бестактность, скверности, бесчестность, безобразие, пошлость, пошлейшая мелочь*); ‘недостаток ума, опыта’ (*мелочь мышления, невежество, непонимание дела, неумелость, неподготовленность, скудость убеждений, тупость*); ‘наивность’ (*наивность, нелепость, детство, простодушие*); ‘болезнь, сумасшествие’ (*слабость рассудка, бред*); ‘ложь’ (*фальшь, наружный лоск, плутовство, лицемерие*); ‘отсталость взглядов’ (*отсталость, старинные, нерациональные привычки нашего поколения, предрассудки*); ‘неважность, отсутствие значимости’ (*пустяки, дичь*). Отдельного внимания заслуживает использование слова *глупость* в противопоставлении: **глупость ≠ неловкость; глупость ≠ эгоизм сердца, уверенность в святости**. Интересны также дистантные семантические ассоциаты идиоглоссы «глупость»: *бестолковость, верхогляд, деловые люди, застенчивый, комическая смесь, математика, «ничего не понимаю», объясняясь с женщиной, стоять на коленях; любить, поверить, подшучивать, поумнеть, роман, рулетка, сконфузиться, смех, смешное, смеяться, сморозить нелепый вздор, тупые люди, ум, умный, хитрость*. Что касается употребления наречия «глупо», то его паратаксис показывает взаимосвязь этой идиоглоссы со следующими лексико-семантическими группами: ‘безнравственный поступок или неприличное поведение, пошлость’ (*неприлично, оскорбительно, сально, отвратительно гадко,*

неделикатно, грубо, пошло, некрасиво, низко, скверно, уродливо); 'наивность' (*нелепо, наивно*); 'недостаток ума, опыта' (*неумело, ошибочно, неверно, бестолково, темно, совершенно по-философски, беспредметно, нерасчётливо, неосторожно*); 'смех' (*смешно*).

Материал, представленный в словарной статье «думать» Словаря языка Достоевского, позволил сделать наблюдения относительно 1) наиболее частотных объектов мыслительной деятельности героев Ф.М. Достоевского и его самого (в качестве объектов мыслительной деятельности чаще всего выступают *будущее* (только в личных письмах) и *намерение*); 2) экстралингвистической ситуации, в которой происходит эта деятельность (в сочетании с глаголами *лежать, ложиться спать, засыпать/заснуть, закрыть/закрывать глаза, склонять голову на подушку, сидеть, сесть, ходить, идти, входить, уходить, прохаживать, пойти, ступать, стоять, лезть*; наиболее высокая частота употребления с глаголом *сидеть*); 3) парадигматических связей глагола «думать» в текстах писателя и др.

Многопараметровое представление идиоглоссы «дурак» выявило наиболее частые причины, по которым то или иное лицо квалифицируется у Ф.М. Достоевского таким образом, это: *проматывать деньги, разбрасываться деньгами; показывать деньги; задолжать; говорить вздор, ревновать, быть слишком откровенным, наивным, простоватым, говорить не прямо; совершить инерционный, необдуманый поступок (дать пощёчину); быть обманутым (обсчитанным); не делать ожидаемого поступка; не знать света, не иметь места в свете; быть слишком уверенным в чём-то; быть втянутым не в своё дело; быть честным; не знать новых порядков или, наоборот, старого времени.*

Изучение особенностей идиоглосс Ф.М. Достоевского даёт возможность сделать заключение не только об особенностях их употребления в текстах писателя, но и о характерных чертах его языковой личности, включая картину мира и интенции, обуславливающие в том числе и использование определённых языковых средств. Кроме того, такое «погружение» в смысл идиоглоссы позволяет определить ключевые мировоззренческие позиции автора, его взгляды на жизнь, время, человека и др.

Безусловным показателем того, что слово имеет статус идиоглоссы, является его автонимное употребление, трактовка которого предлагается в диссертации. Под автонимным употреблением понимается любой случай авторской рефлексии над словом, в частности, контексты, в которых автор рассуждает о его значении, соотносит своё понимание с общепринятым или

размышляет над значением созданного им самим слова. В работе рассмотрены различного рода индикаторы автонимности – кавычки, курсив (подчёркивание), разрядка, слова, посредством которых Ф.М. Достоевский комментирует значение употреблённой им лексической единицы (*то есть, есть, это, значит* и т. п.), этимологическая справка, экспликация внутренней формы слова, перевод. Контекстом автонимного употребления слова может быть рефлексивный, обращённый к самому себе вопрос. Такие высказывания часто носят афористический характер, выражая индивидуально-авторскую позицию относительно определённого концепта. Кроме того, стиль Ф.М. Достоевского отличает непосредственное объяснение значения или наивное толкование употреблённого им слова, причём даже в тех случаях, когда, на первый взгляд, оно является понятным. В контексте при этом обозначаются семантические признаки, свойства денотата, какого-либо объекта или понятия. Частным случаем наивного толкования слова являются квазиавтонимические определения, использование идиоглоссы в непосредственном окружении семантически комплиментарных слов. Автонимность, чаще всего какого-либо существительного с абстрактным значением, может быть представлена через его отождествление с чем-либо посредством определённых конструкций: **что – (это что), что – то же (самое), что и, что есть что** т. п. Значение слова может интерпретироваться при помощи пословицы или идиомы, которые сами иногда сопровождаются пояснением. Как квазиавтонимность квалифицируется соединение в одной цепочке близких по значению слов, выполняющее разные стилистические функции (нагнетание смысла, уточнение и т. д.). В диссертации делается вывод, что автонимное употребление слова является, с одной стороны, показателем того, что это слово важно для автора, с другой стороны, авторский стиль характеризуется теми способами, посредством которых осуществляется рефлексия над значением лексической единицы.

Наиболее репрезентативный способ отражения картины мира конкретной языковой личности – это идеографическое представление её лексикона. В диссертации разработаны принципы составления авторского тезауруса, основанные на возможности группировки идиоглоссы, вошедших в словник Словаря языка Достоевского (порядка 2 200 единиц), вокруг базовых для слов-символов Достоевского смыслов, которые можно квалифицировать как архетипы, ядерные элементы эйдоса писателя, и включение в дальнейшем в эти группы слов, связанных с идиоглоссами ассоциативно-смысловыми отношениями. Такая процедура построения авторского тезауруса позволяет

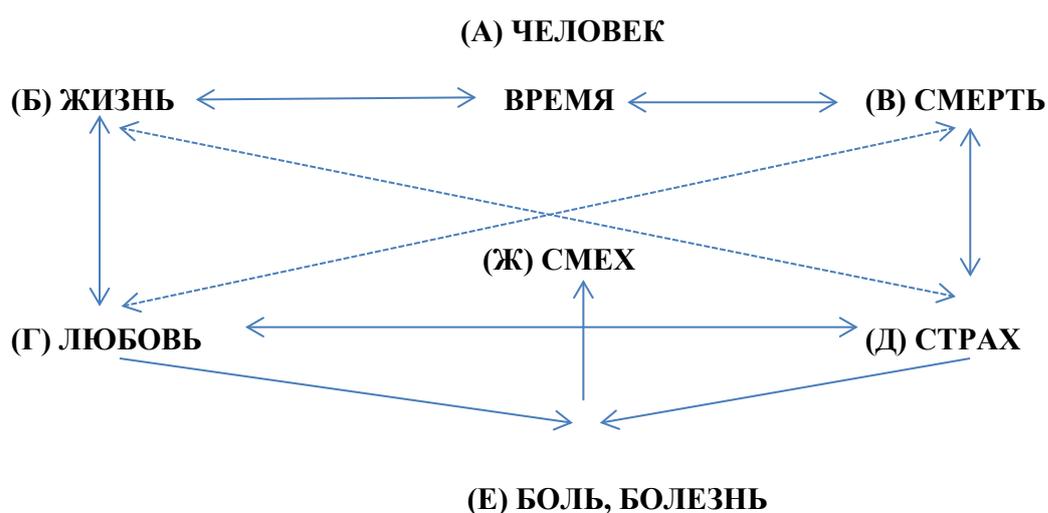
показать особенности именно индивидуальной картины мира, по крайней мере, применительно к творчеству Ф.М. Достоевского, одной из характерных черт которого является символизация в представлении действительности. Прокомментируем данные положения.

Типичной особенностью символического употребления слова мы считаем возможность вещных имён приобретать абстрактные коннотации (идеальное содержание). Символическое значение слова раскрывается не столько его употреблением в узком контексте, сколько в контексте всего произведения (реже – нескольких произведений), в интерпретации его идейного содержания, сюжета, системы образов, отдельного события, фрейма и т. д. В диссертации символы подразделяются на общекультурные, коллективные (христианские, фольклорные, национальные и т. п.) и индивидуальные, т. е. созданные самим автором, имеющими значимость для всего творчества писателя или для какого-то конкретного его произведения. Общекультурные символы, например, *крест, камень, воздух, огонь, кровь, белый* и т. п., в контексте произведения (произведений) писателя могут менять своё значение, выполнять дополнительные функции. В работе высказывается предположение о том, степень конкретности семантики слова непосредственно связана с его символическим потенциалом. Предельно конкретными являются имена, названия и числа, часто употребляемые символически.

При изучении символики представляется целесообразным рассматривать слова-символы не отдельно друг от друга, а в составе выявленных в ходе исследования групп: 1) материальные (вещественные, денотативные) символы (*лампа, лампадка, свеча, огарок, чистое бельё, кафтан, мундир, сюртук, платье, зонтик, маска, часы, кровь, заклад, большая дорога, порог-площадь, ворота, калитка, кровать, стена, дверь, канава, квартира, кухня, подолье, угол, нора, скорлупа, хрустальный дворец, ёлка, процент, зверь, вошь, паук, муха, лошадь, лошадка, заяц, ёж, осёл* и т. д.). В этой группе символов выделяются также такие подклассы, как символы-числа (3, 4, 7, 10, 11, 12, 30), символы-имена (*Степан Трофимович, Лев Мышкин, Родион Раскольников, вечная Сонечка, Лазарь*), символы-топонимы (*Булонь, Америка, Скотопригоньевск, Петербург, Гвадалквивир*), символы-первозлементы, часто имеющие мифологическую природу (*огонь, земля, вода, воздух*), символы-цвета (*жёлтый, желтовато-чёрный, зелёный*), слова с конкретным предметным значением, употребляющиеся символически, – названия животных, предметов одежды и др.; 2) ситуативные, или символы-фреймы (*уронить/поднять платок, поцеловать землю, поцеловать*

чащу/сосуд, целовать сапоги, кланяться до земли, становиться на колени, отказ подать руку, отказ поцеловать руку и т. п.); 3) чувственно-образные, или символы-тропы (бьющаяся об оконное стекло муха, косые лучи заходящего солнца, солнечные лучи на крыше церкви, зелёные клейкие листочки, шёлковая лестница, хрустальный дворец, бой часов, остановившиеся часы Кириллова; к этой же группе можно также отнести имеющие принципиальную значимость для понимания романов Ф.М. Достоевского названия картин – «Мёртвый Христос» Гольбейна, «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Пейзаж с Асисом и Галатеей» Клода Лоррена и др.), а также своеобразные символы-гиперболы типа *сто миллионов голов*; 4) событийные (*1861 год*, различные церковные праздники и т. п.). Предпочтение автора в использовании символов того или иного типа определённым образом характеризует его идиостиль.

Если символы – это закодированные смыслы, то вполне логичной представляется возможность реконструкции авторского тезауруса на основе групп символов, объединённых общим значением, текстовых символических парадигм, вокруг которых, в свою очередь, объединяются идиоглоссы из исходного словника. Анализ материала показал, что ядром тезауруса Достоевского является ЧЕЛОВЕК, связанный с такими смыслами, как ‘жизнь’ ↔ ‘время’ ↔ ‘смерть’ ↔ ‘любовь’ ↔ ‘болезнь’ ↔ ‘страх’ ↔ ‘смех’ (именно эти значения у писателя символизируются чаще всего; исключение составляет ‘смех’, который, в силу своей конкретики и особой, компенсаторной функции, не символизируется). Сказанное иллюстрируется следующей схемой:

Вокруг данных символических значений группируются другие идиоглоссы, распределяясь по соответствующим векторам.

Приведём в качестве примера фрагмент реконструированного нами тезауруса Достоевского. Первой строкой за входом основной части тезауруса зафиксированы идиоглоссы-символы, объединённые понятием – названием класса, далее следуют наиболее близкие к данному значению идиоглоссы, прежде всего однокоренные слова. После этого выделяются лексические группы, перед которыми в квадратных скобках жирным шрифтом приводится их название. При отнесении идиоглоссы к той или иной группе мы руководствовались в первую очередь её употреблением в значении, которое характеризует авторский идиостиль (например, именно в этом значении слово зарегистрировано в таких зонах комментария Словаря, как автонимное употребление, игровое употребление или использование в составе афоризма), а также актуальной частотой употребления или наиболее широкими ассоциативными связями. Идиоглоссы внутри каждой группы распределяются в зависимости от их частеречной принадлежности (глагол → прилагательное → наречие → существительное), в пределах каждой части речи – по алфавиту:

(Б) ЖИЗНЬ ↔ ВРЕМЯ

Б.І. баня (банька), вода, воздух, дверь, (большая) дорога, зелёный, зелёные клейкие листочки, земля, листочки, пауки, платок, порог, птичка, семь, хлеб, часы

Б.ІІ. дышать, живой, жить, пережить, ужиться; действительный, жизненный; временный; временно; путь, реализм, рождение

Б.ІІІ. **[период времени]** долго; эпизод

Б.ІІІ.1. **[век]** вековечный; навеки; век

Б.ІІІ.2. **[год, время года, месяц]** зимний, летний; год, лета, месяц

Б.ІІІ.3. **[сутки, время суток]** светлый, сумрачный, тёмный; вечер, день, ночь, свет, сумерки, темнота, утро, час; вечером, ночью, светло, темно, утром

Б.ІІІ.4. **[короткий период времени]** мелькать, скорый; мгновение, миг, минута

Б.ІV. **[прошлое – настоящее – будущее]** вчерашний, будущий, настоящий, передовой, современный; вчера, давеча, давно, завтра, иногда, никогда

Б.V. **[начало – конец]** заглохнуть, закончиться, начаться, покончить; окончательный, последний, прежний, твёрдый; полно, окончательно, твёрдо; начало, источник, конец, край, точка, черта

Б.VI. **[внезапность – случайность – закономерность]** внезапный, невольный, немедленный, неожиданный; вдруг, внезапно, невзначай, невольно, немедленно, ненароком, неожиданно, произвольно, нечаянно; нелепость

Б.VI.1. **[судьба]** предопределить; неминуемый, случайный, преднамеренный, роковой; неминуемо, случайно; участь; авось

Б.VI.2. [**последовательность**] поминутно, сразу, тотчас; после

Б.VII. [**быстрота**] поспешить, промелькнуть, торопиться, спешить; быстрый, спешный, стремительный; быстро, поскорей, поспешно, постепенно, скоро, стремительно; поспешность

(В) ВРЕМЯ ↔ СМЕРТЬ

В.I. Америка (американский), баня (банька), бобок, бритва, закат, заклад, зверь, камень, кровь, красный, муха, нож, лошадь, мышь, луч (косые лучи заходящего солнца), окно, паук, петля, пистолет, разбитая икона, сто миллионов голов, топор, револьвер, часы, чёрная лестница

В.II.1. умереть (умирать), погибать (погибнуть); кровавый, мёртвый, смертный; бытие, гроб, могила, погибель, смерть, сон

В.II.2. губить (погубить); война, гибель, дуэль, катастрофа

В.III. [**бесконечность**] возродить, воскресать (воскресить, воскреснуть); бесконечный, бессмертный, вечный; бездна, бесконечность, бессмертие, вечность, воскресение, возрождение; бесконечно, непрерывно

В.IV. [**преступление**] преступление, преступник, преступность, проступок

В.IV.1. [**совершение преступления**] отмыть, переступить, убивать (убить); убийство, убийца, отцеубийца, изверг

В.IV.2. [**самоубийство**] вешаться (повеситься), зарезать, застрелиться; самоубийство, самоубийца

В.V. [**следствие – суд – наказание – оправдание**] допросить, засадить, казнить, карать, обвинить (обвинять), осудить (осуждать), наказать, оправдать (оправдывать), приговорить, судить; судебный; адвокат, возмездие, доказательство, допрос, защита, иск, исправник, казнь, кара, каторга, наказание, обвинение, оправдание, осуждение, подсудимый, показание, полиция, приговор, прокурор, процесс, процессик, свидетель, следователь, следствие, ссылка, суд, судья, тюрьма, улика, факт, эшафот.

На дальнейших этапах конструирования тезауруса в данные классы включаются семантические ассоциаты к идиоглоссам, алгоритм выявления которых разработан и показан в диссертации.

Представленный способ реконструкции авторского тезауруса является результатом тщательного изучения функционирования идиоглосс в текстах Ф.М. Достоевского, их ближних и дальних синтагматических связей, паратаксиса и ассоциативного окружения. Основные шаги его построения следующие:

I. Отбор лексических единиц, используемых Ф.М. Достоевским в символическом значении.

II. Группировка слов-символов, выделение символических парадигм, объединений символов на основе общего значения.

III. Объединение идиоглосс на основе выявленных значений, вокруг которых были сформированы символические парадигмы.

IV. Группировка идиоглосс по лексико-тематическим классам. При этом учитываются в основном те значения слов, в которых ярче всего проявляется их идиоглоссный статус (в словарной статье Словаря языка Достоевского такие значения приводятся первыми). Объединение в группы производится с учётом обнаруженных точек пересечения идиоглосс в разных словарных статьях, в первую очередь в зоне ассоциаций. Такие точки пересечения можно считать своеобразными узлами ассоциативного тезауруса, выявляемыми с использованием специально разработанных для решения данной задачи компьютерных программ WinDialex и WordFinder.

V. Определение наиболее типичных ассоциатов, относящихся к выявленным лексико-тематическим классам идиоглосс, а также персонажей, с которыми связаны описываемые единицы.

Ресурсы Словаря языка Достоевского позволяют решать герменевтические задачи, направленные на выявление в текстах писателя тех областей, которые составляют препятствие в их восприятии современным читателем. С этой целью в диссертации проведено исследование случаев нестандартной сочетаемости слова у Ф.М. Достоевского, а также непонятных или малопонятных лексических единиц.

В большинстве случаев мы можем оценивать нарушения норм сочетаемости только с позиции современного узуса. В работе были исследованы случаи нарушения грамматической и лексико-семантической сочетаемости у Ф.М. Достоевского, сделаны следующие наблюдения:

1. Особенностью идиостиля Ф.М. Достоевского является широко используемое нестандартное употребление наречий, например, с глаголом **знать**: *наизусть, толсто, специально, очень, совершенно, трудно* и т. п. Аналогичны примеры нестандартного употребления наречий с другими глаголами: **чрезвычайно** *объяснять, смотреть, участвовать*; **очень** *ненавидеть, думать, молчать*; **ужасно** *думать, жить (голова ужасно живёт)*; **совершенно** *молчать*; **больно** *чувствовать, почувствовать, навестать, лежать* и под. Обращает на себя внимание нестандартное употребление наречий-интенсификаторов *очень, чрезвычайно, страшно, ужасно, сильно, вполне*. Особенно много таких сочетаний мы находим в «Подростке», в речи

Аркадия, что нельзя считать случайным: это единственный из крупных романов Ф.М. Достоевского, написанный от лица персонажа, отсюда и различные языковые способы отражения особенностей этого характера: *очень молчаливый, все вдруг густо зашевелились, сильно думал, отлично хорошо понимал, очень поцеловались, горячо прислушивались, очень знал, слишком знаю, очень молчал, слишком видел, слишком думал, очень слушала, слишком понимаю* и др. При этом мы не встречаем ни одного повтора, что показывает не просто тщательную выверенность стиля, но и сознательность использования таких сочетаний.

2. Из других нестандартных с точки зрения современной языковой нормы сочетаний глагольной группы следует отметить те, в которых опорным словом является глагол движения. В современном русском языке большинство опорных глаголов движения в такого рода сочетаниях заменены другими: *переходить в памяти* → *перебирать в памяти, уйти к концу* → *подойти к концу, подходит к истине* → *близок к истине, выйти из опасности* → *избежать опасности* и т. д. или заменяются одним глаголом: *войти во гнев* → *разгневаться, въехать в глупость* → *сглупить, прийти в мысль* → *подумать* и т. п. Во многих случаях мы имеем дело с изменением глагольного управления и/или предлога: *дойти к делу* → *дойти до дела, прийти на конце пути* → *прийти в конце пути, пойти на квартиру* → *пойти в квартиру*. Своеобразие глагольных сочетаний может определяться выбором опорного существительного: *сойти три лестницы* → *сойти три пролёта, прибежать из идеи* → *прибежать с целью* и др. Другие группы глаголов, часто употребляемых нестандартно, это: **делать (сделать, сделаться)** (*сделать вопрос, вздор* и т. п.); **дать (давать, отдать, отдаваться)** (*дать гостеприимство, смысл...*); **брать (взять)** (*взять выгоду, время...*); **иметь (дух)** и др. Обращает на себя внимание нестандартное употребление инфинитива с глаголом в форме настоящего или прошедшего времени: *интересуюсь знать, перестаю знать, любопытствовал знать, не заботится думать* и т. п., а также нестандартные сочетания с краткими причастиями и прилагательными: *полезен на нервы, наклонен к мысли, способен на мгновение, виновен богу, богат деятельностью* и др.

3. Среди нестандартных сочетаний именной группы зафиксированы следующие:

– ПРИЛ. + СУЩ.: *священнейший анекдот, образованный анекдот, нервный вздор, отдалённый вопрос, духовное праздношатайство, духовная общительность, духовный безудерж, благородный паспорт, громкое, крупное великодушие, зверские убеждения...*

– СУЩ. + СУЩ.: *припадок страдания амбиции, на память встречи, радость на здание, выходка к примирению, выходка гнева, неуверенность в своё мнение, восторг к маме, любопытство о ревизоре, протест к лучшему, вещи жизни, этюд над душой, круглота дела, брак на дочери, боль головы (печени), игра карт...*

Воспринимаемые как нестандартные, сочетания именной группы могут быть связаны с изменением значения входящего в них существительного или прилагательного: слово *боль* перестало употребляться в значении ‘болезнь’, *игра* (карт) – в значении ‘колода’, *дух* – в значении ‘душа, состояние души, настроение’ (осталось только идиоматическое *быть не в духе*). Чаще всего, однако, мы имеем дело с изменением падежного управления и/или предлога: *опасность жизни* → *опасность для жизни*, *зло с любви* → *зло от любви*, *неуверенность в своё мнение* → *неуверенность в своём мнении*, *на память встречи* → *на память о встрече* и т. п.

Анализ случаев нестандартной сочетаемости (НСТ) в текстах Ф.М. Достоевского позволил выделить наиболее типичные области возникновения такого рода препятствий для читательского восприятия, это: NST, связанная с ситуацией своеобразного двуязычия в образованной среде России XIX века, а конкретно – с влиянием французского языка; NST, причиной которой является изменение одного из значений слова, т. е. то или иное слово утратило в современном языке значение, которое у него было в русском языке XIX века; NST слов, вышедших из употребления; NST, возникающая по причине замены слова однокоренным или созвучным, похожим; NST с глаголами движения, система значений которых является очень подвижной, что проявляется и в современном литературном языке; NST, определяемая тем, что слово в коллокации заменяется другим словом той же лексико-семантической группы; NST наречных интенсификаторов, которая, по всей видимости, связана с синсемантической данностью данного класса слов и – шире – с отражением авторского стремления к гиперболизации; NST, обусловленная заменой предложно-падежных синтаксем; NST, связанная с эллипсисом.

Были выявлены идиоглоссы, обладающие наибольшим потенциалом к образованию нестандартных сочетаний. Как правило, это синсемантические слова, входящие в лексико-семантические группы, которые и в современном русском языке нельзя считать окончательно сформированными: ‘**вопрос**, задача, проблема, дело, предмет, тема’; ‘**мысль**, идея, проблема, размышление, дума, планы, намерение, замысел’ и др. К словам с большим потенциалом образования

нестандартных сочетаний относятся также идиоглоссы *время, голова, заключить, вообразать (вообразить)*.

В диссертации проведено исследование непонятных или малопонятных для современного среднеобразованного читателя лексических единиц (для их выявления использовались многочисленные комментарии к произведениям Ф.М. Достоевского и результаты проведённого среди студентов московских вузов эксперимента). Такого рода единицы непонимания коррелируют с элементами уровней языковой личности и квалифицируются как атопоны-агнони́мы, атопоны-когне́мы и атопоны-прагме́мы, т. е. выделяются атопоны лексико-грамматического, когнитивного и прагматического уровней. Соотнесённость атопонов с тем или иным уровнем языковой личности зависит от той функции, которую они выполняют в тексте.

Трудности для восприятия современным читателем представляют также новообразования и транслитерации; слова и устойчивые сочетания, не употребляемые в современном русском литературном языке; слова, которые могут быть поняты современным читателем в другом значении, т. е. в значении которых произошёл своеобразный сдвиг, и др.

В работе представлена классификация основных типов атопонов, встречающихся в текстах Ф.М. Достоевского. Среди атопонов-агнони́мов выделяются следующие лексические классы:

(1) слова с конкретным предметным значением (названия – предметов быта, растений, причёсок и т. п.), в том числе и заимствованные: *бредень, бунты, веленевый, вервие, ветла, доңцо, дышло, залавок, заплот, катка, кокура...*

(2) названия предметов и деталей одежды, головных уборов, обуви, а также ткани, пряжи: *азям, армяк, блонды, бурнус, бурнусик, визитка, вицмундир, галун, галунный, гантированный, гарус, гроденапль, дезаби́лье...*

(3) названия вин, напитков и продуктов питания: *белые шти, галантир, гречневик, каша соковая, малага, мамуровка, оршад, романея, фенезерф, шато-д'икем...*

(4) слова, обозначающие различные средства передвижения, а также их части: *гитара, омнибус, полость, фура, шарабан, чересседельник...*

(5) названия мер длины, площади, счёта, веса: *десть, десятина, полфунтик, пяток, унция, фунт...*

(6) слова, обозначающие объём жидкости (в основном – алкогольных напитков): *кошушка, полуштоф, шкалик, штоф...*

(7) обозначения денежных единиц: *алтын, голыши, жёлтая бумажка, златница, империял, кодрант, кредитка, пятелтышка, радужная кредитка, рак...*

(8) названия пород собак, лошадей; названия животных, птиц, рыб: *клеппер, меделянский, мопка, моська, тернёф, фиделька, стрепет, трихина...*

(9) другие редкие в современном русском языке слова, не относящиеся к словам с конкретной семантикой: *извет, калашиница, крикса, нещечко, очинить, подмётный, серизовый...*

(10) различного рода терминология:

– экономическая и торговая: *ассигнация, барышничать, билет, депозитка...*

– медицинская: *аневризм, антонов огонь, магнитизёр, мальц-экстракт, черепословие...*

– карточная, а также слова, специфичные для различного рода игр, включая их названия: *атанде, бабки, банки, гальбик, горка, кикс, носки, обремитить, палки...*

– архитектурная, а также строения барского и крестьянского дворов, части дома, мебель и убранство комнат: *балясина, бельведер, дебаркадер, драпри, канане, киот...*

– театральная, музыкальная и танцевальная, термины живописи и книгопечатания: *антраша, вохра, глоссе-глоссе, дискантик, па-де-баск, ритурнель, фарсёр, фигурант...*

– юридическая (судебная): *кассация, кассировать, протори, сутяга, хартия...*

– техническая и естественнонаучная: *ватерпас, гальванизм, краниология, микрометризм, френология...*

– философская и филологическая: *аллокуция, несамодвижность, рацея, фаланстера, целокупность...*

– военные термины, в том числе названия различных видов оружия: *абшид, аванпост, блокгауз, бруствер, зуав, кондотьеры, люнет, фальконет...*

– слова, обозначающие воинские звания и должности: *бригадир, генерал-адъютант, генерал-интендант, генерал-инспектор, генерал-канцлер, генерал-начальник...*

(11) стилистически маркированная лексика:

– религиозная и библейская: *абесса, гернгутер, госпожники, елей, начётчик, софты, ультрамонтанство, штунда...*

– отдельные слова книжного стиля и церковнославянская лексика: *аберрация, анахорет, антропофаг, вменимо, диатриба, обскурантизм, оратай, ригоризм...*

– некоторые слова (грамматические формы), расцениваемые с точки зрения современной литературной нормы как просторечные: *ажно, блажня, гущина, допреж...*

– жаргонная и диалектная лексика: *бухвостить, варнак, вахлак, вода, гомозиться, жарить, железные носы, зазнамо, запасные колотья, паля, парх...*

(12) лексика, связанная с административным делением России, других стран, а также названия органов государственной власти: *гофкригсрат, земский, земство, земщина, кагал, кантон, конвент, кортес, ландтаг...*

(13) наименования учреждений, заведений и их производные: *кухмистерская, петершале, часть...*

(14) слова, обозначающие дворянские и другие титулы, чины и ранги, государственные должности, а также производные от этих слов: *гофмедик, исправник, каган, контесса-дюшесса, межевой чиновник, повытчик, подьячий, сотский...*

(15) наименования сословий, групп населения и их производные: *гостинодворцы, односторонцы, сертучники...*

(16) слова, обозначающие работников и прислугу в дворянском доме: *бонна, камардин, камердинер, камеристка, компаньонка, приказчик, чумичка...*

(17) мифологическая лексика: *пифия, пифический, фурия, химера, эмпиреи, эол...*

(18) названия народностей, племён: *кабилы, кипчаки, пластун, текинцы, райя, чухонка...*

(19) заимствования:

– иностранные слова, написание которых в современном русском языке не соответствует их написанию у Ф.М. Достоевского: *анбиция (амбиция), антитез (антитеза), афишеванье (афиширование), апогея (апогей), банкротство (банкротство), воксал (вокзал)...*

– иностранные слова или их производные, не употребляемые в современном русском языке: *апологист, бир-суп, бонбансник, бланбеки, бонмотист, буро, буффон, вакация, велень, вивёр, виц, вокабула, волтижёр...*

– редко употребляемые в современном русском языке иностранные слова и их производные: *байгуш, башибузук, бивачный, бонтонный, будировать, букли, жуир, жуировать, йок, кантонист, капельдинер...*

– слова, большей частью заимствованные, употребляемые в современном русском языке в другом значении: *анрепренёр, анрепренёрский, барышник, баталия, бенефис, болезный, бремя, возжатый, галантерейный...*

– иностранные слова в искажённой русской речи: *вуй да нон, гани, гер, сен...*

– иноязычная, чаще всего книжная лексика, употребляемая в разговорно-бытовом контексте: *абордировать, абрютировать, абструзно, авенантненький, аксессуарный, амурничать, ангажировать, апробовать, ассюрировать, афишевание, афронт...*

Нами был составлен словарь атопонов-агнонимов, глоссарий, в который вошло порядка 1000 единиц с обязательным толкованием их значения, выделением адресной зоны, иллюстраций из текстов Ф.М. Достоевского и, факультативно, из произведений других авторов. Ресурсы словаря атопонов позволяют сделать заключение относительно авторских интенций в их использовании. Так, статистический анализ показывает, что чаще всего атопоны встречаются в публицистических текстах, что обусловлено особенностями

данного жанра. Достаточно высокую частоту атопонов-агнонимов в письмах можно объяснить спонтанностью, неотредактированностью этих текстов автором. Из произведений художественной прозы следует в первую очередь отметить «Записки из Мёртвого дома», в которых Ф.М. Достоевский сознательно использует жаргонные и малопонятные слова, иногда давая им пояснение. Что касается других произведений, где часто используются атопоны-агнонимы, то следует выделить следующие: «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Село Степанчиково», «Бедные люди», «Двойник», «Униженные и оскорблённые», «Дядюшкин сон», «Записки из подполья», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Вечный муж», «Игрок», «Хозяйка», «Скверный анекдот» (названия приводятся в порядке убывания абсолютной частоты встречаемости атопонов). Обратим особое внимание на то, что с точки зрения относительной частоты употребления атопонов-агнонимов произведения первого и второго периода творчества Ф.М. Достоевского намного насыщеннее единицами непонимания, чем третьего, т. е. можно высказать предположение о тенденции к уменьшению их количества, а значит – к сознательности их использования в ходе развития языковой личности писателя.

Атопоны-когнемы, встречающиеся в текстах Ф.М. Достоевского, – это в основном:

– непонятные или малопонятные современному читателю идиомы и устойчивые терминологические сочетания, а также оригинальные образные сравнения: *аделаидин цвет; алтынная душа; афинские вечера; бубновый валет; валаамова ослица; вальтасаровский пир; вдоль по каторге; визитный билет; выгнать в толчки; голландский арапчик; гриб съесть; дать тягу; добыть контенанс; жувенеvские перчатки; экстрафеферу; запасные колотья...*

– поговорки: *Иван Таскун да Марья Икотишина; кока с локом; хоть на час, да вскачь; штука капитана Кука; с чистоты не воскреснешь, с погани не треснешь...*

– пословицы, часто иноязычные: *Quand on parle d'une corde...* («Когда говорят о верёвке...»); характерное для французских пословиц начало *Quand on parle*, связанное с пословицей *В доме повешенного не говорят о верёвке; Nous revenons toujours* (намёк на французскую пословицу *On revient toujours à ses premières amours* («Всегда возвращаются к своей первой любви»))...

– иноязычные речения, устойчивые речевые формулы: *автос-эффа; де мыслибус non est disputandum; надам до ног; Je suis gentilhomme avant tout et je mourrai gentilhomme! (Я прежде всего дворянин и дворянином умру!)...*

– отсылки к прецедентным текстам (они́мы, названия): *Антропочный; буттошник; Брамбеус; Геннадиева пустынь; жевевские идеи; Завьялов; Игуменья Митрофанья; Кокоревы*

(Поляковы, Губонины); *Мадье де Монжо*; скрибовская комедия; *Роганы*; *Страделла*; *Урия*; *Фон Зон*; «*Journal des Débats*», «*Indépendance Belge*»...

– различного рода аллюзии (связанные с топонимами, онимами и др.): *Алансонские кружева*; *Бресто-граевские*; *ганзеатический*; *Делорж*; *Милон Кротонский*; *Нил Столбенский*; *пальмерстонство*; *петролейщик*; *пломбы*; *пуасардка*... *Обуховский проезд*, *Семёновский мост (полк)*, *Эмс*, *Соден*, *Бад-Гаштейн*...; *Архангельск*, *Холмогоры* [ассоциативный ряд, являющийся одновременно отсылкой к прецедентному тексту – биографии М.В. Ломоносова]...

– цитаты – отсылки к прецедентным текстам: *Зачем же так секретно?* (Грибоедов); *Дорино-си-ма чин-ми* (слова из Херувимской песни); *Смуглолиц, высок и прям* (Некрасов); *Я в пустыню удаляюсь* (строка популярной песни, опубликованной в сборнике «Новый русский песенник»)...

Встречаются случаи, когда отсылка к прецедентному тексту одновременно является мнемой (общими воспоминаниями, выполняющими контакто-образующую и эмпатийную функции):

[Аркадий Версиллову] Вы были в это утро в тёмно-синем бархатном пиджаке, в шейном шарфе, цвета сольферино, по великолепной рубашке с алансонскими кружевами, стояли перед зеркалом с тетрадью в руке и выработывали, декламируя, последний монолог Чацкого и особенно последний крик: | Карету мне, карету! | – Ах, боже мой, – вскрикнул Версиллов, – ведь он и вправду! (Подросток, 93–94)⁵

– непонятные или малопонятные фреймы и ключевые для культурно значимых фреймов слова:

[**распродажа имущества**] *судебный пристав*, *мировой съезд*, *участок*, *опись*, *оценка*, *продажа*, *квартира*, *торговаться*... (Подросток);

[**принятие причастия**] *церковь*, *причащать*, *поднять ребёнка*, *принять Дары*, *поцеловать Чашу*... (Подросток)

– слова с ярко выраженной внутренней формой, которые, тем не менее, могут вызывать у современного читателя искажённый или неправильный образ: *верхогляд*, *верхоглядка*, *непосед*, *своеручный*, *слезница*, *тяжкодум*, *убеление*, *фертом*, *халатник*, *хмара*, *чинобесие*, *читальник*, *чугунка*, *шпильник*...

– отдельные метафоры: *благорастворение воздухов*, *ногти в трауре*, *размазня чувств*, *ум сердца*...

⁵ Здесь и далее номера страниц даются по *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

К атопонам-прагмемам относится возможное непонимание авторских интенций, например, в создании языковой игры или иронии, изменившаяся стилистическая принадлежность слова, неадекватное восприятие лексических единиц с ярко выраженным эмоционально-оценочным компонентом (в основном – частиц и междометий), в функционировании модальных операторов (*так называемый, так сказать*) и др.

Приведём некоторые примеры подобного рода атопонов:

– редко употребляемая бранная лексика, прозвища: *басурман, бирюлина корова, варнак, зипунник, колбаса, колбасник, кошон, обскурант, обимыга, парх, пащенок, пентюх, пехтерь, полишинель, пупырь, ракаля, халдей, хамлет, чума бендерская...*

– дразнилки: *монах в гарнитуровых штанах; морген-фри нос утри; Гришка-голандец съел померанец...*

– модальные частицы и междометия: *ба, га, те-те-те...*

Атопоном-прагмемой является также мотивация степени насыщенности модальными частицами и междометиями речи определённого персонажа.

Препятствием для восприятия текстов Ф.М. Достоевского современным читателем могут стать гапаксы, квалифицированные нами как частный случай языковой игры. Это не обязательно слова, придуманные самим автором, но вообще редкие новообразования. Были исследованы основные словообразовательные модели, по которым строятся гапаксы Достоевского, это:

(1) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ИК- (-ТИК): *экзаментик, развратик, педантик, уродик, гусарик, процессик*; (2) СУЩ. = СУЩ. + -ИШК-: *юнkerишка, развратишко, купчишка, авторишка, пансионшико, аблакатишка, заговоришко, князишка, идиотишка, жидишки*; (3) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ЧИК: *экземплярчик*; (4) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -К(А): *немчурка*; (5) ОСНОВА СУЩ. + -ОК: *полячок*; (6) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ОЧЕК: *юнkerочек*; (7) СУЩ. = СУЩ. + -ОНОК(-ЁНОК): *кассирёнок*; (8) СУЩ. = СУЩ. + -ЕНЯТ: *жиденята*; (9) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ЕЦ: *срамец*; (10) СУЩ. = УСЕЧ. ОСНОВА ПРИЛ. + -ИСТИК-: *юридиктика*; (11) СУЩ. = ПО- + СУЩ.: *покиватель*; (12) СУЩ. = ПРЕ- + СУЩ.: *предоминирование*; (13) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ЁЖ: *срамёж*; (14) СУЩ. = КОНТАМИНАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ + -К(А): *финтифлошка*; (15) ПРИЛ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -ЕНЬК-: *дубоватенький, игривенький*; (16) СУЩ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -К-: *картавка*; (17) СУЩ. = РАЗ- + СУЩ.: *разарестант, раскапиталист, размиллионер, разгений*; (18) СУЩ. = ОСНОВА ГЛАГ. + -ИМОСТЬ: *раздвоимость*; (19) СУЩ. = НЕ + ОСНОВА ГЛАГ. + -ЕМОСТЬ: *несомневаемость*; (20) СУЩ. = ОСНОВА ГЛАГ. + -Нj: *брандахлыстничанье < брандахлыстничать < брандахлыст*; (21) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -(ОТН)ОСТЬ: *ярыжность, комильфотность, раскидчивость*,

сапожность; (22) СУЩ. = ОБЩЕ- + СУЩ.: *общебурлак, общечеловек*; (23) СУЩ. = ОСНОВА ГЛАГ.-КАЛЬКИ + -ЁР: *парлёр < parler*; (24) СУЩ. = НЕ- + СУЩ.: *нелитературность, невыдержка*; (25) СУЩ. = СУЩ.-ИМЯ СОБСТВЕННОЕ + -СТВ-: *кавурство < Кавур*; (26) ГЛАГ.= РАЗ-+ОСНОВА ГЛАГ.+(Л)Я(ТЬ): *разгромлять*; (27) ГЛАГ. = РАЗ- + ГЛАГ.: *размарать, расклеветать*; (28) ГЛАГ. = РАЗ- + ГЛАГ. + -СЯ: *разголубиться, разблажиться, разблагодотвориться, распаясничаться, растанцеваться*; (29) ГЛАГ. = РАЗ- + ОСНОВА СУЩ. + -И(ТЬ) + - СЯ: *раскапризиться*; (30) ГЛАГ. = РАЗ- + ОСНОВА ПРИЛ. + -И(ТЬ) + -СЯ: *рассчастливиться*; (31) О- + ГЛАГ.: *опикироваться*; (32) ГЛАГ. = У- + ГЛАГ.: *ужежать*; (33) ГЛАГ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -ИЧА(ТЬ): *развязничать*; (34) ГЛАГ. = ОСНОВА СУЩ. + -ИЗИРОВА(ТЬ): *экономизировать*; (35) ГЛАГ. = ОСНОВА СУЩ. + -ИФИРОВА(ТЬ): *санктифицировать*; (36) ГЛАГ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -ИЧА(ТЬ): *экспансивничать*; (37) ГЛАГ. = С- + ОСНОВА СУЩ. + -НИЧА(ТЬ): *слакейничать, сретроградничать*; (38) ГЛАГ. = В- + ГЛАГ.: *взубрить, взвоздить*; (39) ГЛАГ. = ОСНОВА СУЩ. + -И(ТЬ): *культурировать*; (40) ГЛАГ. = ДА- + ГЛАГ.-ГАПАКС: *докультурировать*; (41) ГЛАГ. = ДА- + ГЛАГ.-ГАПАКС + -СЯ: *докультурироваться*; (42) ГЛАГ. = ОТ- + ГЛАГ.-ГАПАКС + -СЯ: *отцивилизоваться*; (43) ГЛАГ. = ОСНОВА ГЛАГ.-КАЛЬКИ + -СЯ: *экспатрироваться < expatrier*; (44) ГЛАГ. = НА- + ГЛАГ.: *набухвостить, нафискалить*; (45) ГЛАГ. = ПО- + ГЛАГ.: *пофанфаронить*; (46) ГЛАГ. = АРХИ- + ГЛАГ.: *архисоврал*; (47) ГЛАГ. = НА- + СУЩ.-ИМЯ СОБСТВЕННОЕ + -И(ТЬ): *наафонить < Афон, нафонзонить < Фон Зон*; (48) ГЛАГ. = СУЩ.-ИМЯ + СУЩ.-ФАМИЛИЯ + -СТВ- + -ОВА(ТЬ): *фаддейбулгаринствовать < Фаддей Булгарин*; (49) ГЛАГ. = СУЩ.-ИМЯ СОБСТВЕННОЕ + -ОВА(ТЬ): *теймствовать < «Теймс»*; (50) ГЛАГ. = У- + ГЛАГ. + -СЯ: *увизжаться*; (51) ПРИЛ. = РАЗ- + ПРИЛ. (БЙ): *раззадорный*; (52) ПРИЛ. = ОСНОВА СУЩ. + -Н- (БЙ): *кумирный, экстазный, эпизодный, привилегальный*; (53) ПРИЛ. = ОСНОВА СУЩ.+ -ЕНН- (БЙ): *юношественный*; (54) ПРИЛ. = УСЕЧЁННАЯ ОСНОВА СУЩ.+ -ЕШН- (БЙ): *куцавешный*; (55) ПРИЛ. = УСЕЧЁННАЯ ОСНОВА СУЩ.+ -ОЧН- (БЙ): *шавочный*; (56) НАРЕЧ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -Н- (О): *юношественно, ретроградно*; (57) НАРЕЧ. = ЗА- + НАРЕЧ.: *заневинно, занедолго, заранее*; (58) РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ КОНТАМИНАЦИИ: *холостёжь < холостой + молодёжь; облизьяна < облизывать + обезьяна; сверлива < сверлить + сварлива; всемство < все + мы; тупонравственный < тупой + нравственный; шлёпхвостница < шлёпать + хвост; фортопляс < фортепяно + плясать; надодумываться < надо + думать*; (59) ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ: *бесконечноэтажный < бесконечный + этаж*.

Характерным для идиостиля Ф.М. Достоевского является образование сложных слов путём присоединения дефисом того же слова или однокоренного: *рад-рад, бездна-бездная* и др.

К другим случаям игрового употребления слова, т. е. сознательно допущенного автором отклонения от языковой нормы с целью достижения комического эффекта, для поиска способов выражения различных смысловых нюансов или для осуществления функции парольности, являются следующие:

– образование мн. ч. от собственных имён и тем самым их переход в нарицательные:

[Фома] Что же делали до сих пор **все эти Пушкины, Лермонтовы, Бородины?** Удивляюсь. Народ пляшет камаринского, эту апофеозу пьянства, а они воспевают какие-то незабудочки! (Село Степанчиково и его обитатели, 58) [Мн. ч. здесь служит для снижения значимости называемых имён.]

– употребление *singularia tantum* во мн. ч. для усиления количественного значения и для придания речи большей выразительности:

[Голядкин] Это от неё [немки], ведьмы, всё происходит, все **сыры-боры** от неё загораются. (Двойник, 213) [Одновременно – нарушение лексической сочетаемости в *сыры-боры загораются*.]

– употребление мн. ч. сущ., сопровождаемое экспликацией в контексте его значения:

– Нечего мне стыдиться, Андрей Филиппович, – ответил господин Голядкин также полушёпотом, обводя свои несчастные **взоры** кругом <...>. (Двойник, 134)

– совмещение в одном контексте прямого и переносного значения слова:

[Ползунков] Но бабушка моя была вполне **замкнутая**: она была слепа, нема, глуха, глупа, – всё что угодно!.. (Ползунков, 7–8) [Здесь мы видим каламбурное, к тому же выделенное самим Ф.М. Достоевским использование прилагательного *замкнутый*, основанное на эффекте обманутого ожидания: вместо предполагаемого основного значения ‘необщительный, скрытный’ в контексте реализуется прямое значение ‘закрытый от общества’; каламбурность также усиливается употреблением наречия *вовне*.]

– дефразеологизация (возврат словам, входящим в устойчивое сочетание, их исходного лексического значения):

[Иван Андреевич] Это всё жена виновата. Я несчастный человек, я **пью чашу!** | [Генерал] Да, помилуйте, какое же мне дело, что вы **выпили чашу**; может быть, вы и **не одну чашу выпили**, – судя по вашему положению, оно и видно <...>. (Чужая жена и муж под кроватью, 77)

– обыгрывание слова, входящего в название (литературного произведения, газеты, журнала и т. п.):

Это у Гоголя, в «**Мёртвых душах**», папаша, – ответил Коля и трусливо покосился на отца. | – **Мёртвые души!** О да, **мёртвые!** Когда похоронишь меня, напиши на могиле: «Здесь лежит **мёртвая душа!**» (Идиот, 418)

– тропы, употребляемые в игровой функции:

[зевга] С саркастической улыбкой и со шляпой в руках, Мозгляков воротился в большую залу. (Дядюшкин сон, 398) Требование [Лембке] было до того настойчивое, что она [Юлия Михайловна] принуждена была встать с своего ложа, **в негодовании и в папилютках**, и, усевшись на кушетке, хотя и с саркастическим презрением, а всё-таки выслушать. (Бесы, 338) [метафора] Наконец вот и переулочек; он [Раскольников] поворотил в него полумёртвый <...>. «Ишь **нарезался!**» – крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву. Он плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже. Он помнил, однако, как вдруг, выйдя на канаву, испугался, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было поворотить назад в переулочек. Несмотря на то что чуть не падал, он всё-таки сделал крюк и пришёл домой с другой совсем стороны. (Преступление и наказание, 70) [Раскольников понимает *нарезался* в прямом значении, отсюда и семантическая ассоциация со *смочена*, и его усилившийся страх.] [сравнение] [Девушкин] Меня встретил [Горшков] в коридоре, взял меня за обе руки, посмотрел мне прямо в глаза, только так чудно; пожал мне руку и отошёл, и всё улыбаясь, но как-то тяжело, странно **улыбаясь, словно мёртвый**. (Бедные люди, 98) [Одновременно со сравнением используется семантическое рассогласование.] [метонимия] Много было криков, упрёков и слёз. Генеральша к вечеру захворала; **весь дом повесил нос**. (Село Степанчиково и его обитатели, 62) [Семантически рассогласованная метонимия: *повесить нос* не сочетается с указанием на совокупный субъект.] [хиазм] <...> смесь красоты, блеска, приличия, весёлости, **любезной солидности и солидной любезности**, резвости, радости <...>. (Двойник, 131)

– модификация стандартной формы фразеологической единицы, пословицы или отсылки к прецедентному тексту (обычно – крылатого выражения):

Поднять ушки – модиф. *навострить уши*: Теперь же она вздрогнула и **подняла ушки**. (Чужая жена и муж под кроватью, 69) **Выжить из памяти** – модиф. *выжить из ума*: И потому лучше сделаем, если заранее признаемся, что старичок [князь] если и не **выжил ещё из ума**, то давно уже **выжил из памяти** и поминутно сбивается, повторяется и даже совсем завирается. (Дядюшкин сон, 310) [Игровой эффект создаёт также сочетание с фразеологизмом *выжить из ума*.]

В частотном использовании модификаций фразеологизмов – стремление Ф.М. Достоевского выйти за границы нормы, показать её неопределённость и – шире – неопределённость мышления и поведения человека. Чем сильнее степень устойчивости фразеологической единицы (закоренелости мысли), тем заметнее, явственнее становится и её разрушение.

– нарушение семантического согласования:

<...> накинулся [Лебедев] на тринадцатилетнюю девочку, торчавшую на пороге в следующую комнату и продолжавшую **улыбаться остатками** ещё недавнего **смеха**. (Идиот, 160)

– оксюморон:

Вот почему Семён Иванович, **будучи умным** человеком, **говорил** иногда страшный **вздор**. (Господин Прохарчин, 253) [С.Т. Верховенский] <...> я всю жизнь мою **лгал**. **Даже когда говорил правду**. (Бесы, 497) Почтенный автор её [рукописи] (не знаю только, молодой ли человек или из **молодых стариков**) напечатал одну небольшую заметку в одном губернском издании <...>. (Дневник писателя, т. 22, 82)

– повтор (фонетический, однокоренных слов, семантический и др.), употребляемый в игровой функции:

[Алексей Иванович] Гейн! – **крикнул**, или лучше сказать, **крякнул** барон, оборачиваясь ко мне с сердитым удивлением. (Игрок, 234) **И все** рады ему [Голядкину], **и все** любят его, **и все** превозносят его, **и все** провозглашают хором <...>. (Двойник, 186) Компания была чрезвычайно **разнообразная** и отличалась не только **разнообразием**, но и **безобразием**. (Идиот, 95) В обеих статьях наших по поводу известного вопроса мы тоже не заявили нашего мнения об эманципации. Просто «Русскому вестнику» показалось **ловкою** старинная **уловка** прежних фит, и он употребил её для нашего разгромления. (Публицистика, т. 19, 126) [Астафий Иванович] Кто его [Емельяна Ильича] поил, откуда он деньги брал, уж господь его ведаёт, не моя в том **вина виновата!**.. (Честный вор, 87)

– игровое употребление аббревиатур-топонимов:

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в **С-м** переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешительности, отправился к **К-ну** мосту. (Преступление и наказание, 5)

Аббревиатуры в текстах Ф.М. Достоевского занимают особое место, и это отдельный, совершенно не похожий на остальные случаи языковой игры. Автор посредством такого рода аббревиатур-ребусов зашифровывает топонимы, настраивая читателя, хорошо знакомого с топонимикой Петербурга, на процесс отгадывания.

Проведённый анализ случаев игрового употребления слова у Ф.М. Достоевского позволил сделать предположение, что, если исходить из понимания языковой игры как сознательного отклонения от нормы, основная её функция в текстах писателя – познавательная, разновидность рефлексии над языком. Игра слов позволяет осуществлять поиск не выразимых нормативным языком смыслов. Это и форма выражения, и форма существования автора в языке, развивающая мышление и изменяющая язык. Основным мотивом использования игры слов Ф.М. Достоевским является стремление автора реалистично изобразить

внутренний мир персонажей, их внутреннюю речь, которая чаще всего не подчиняется нормам и правилам. Основная задача языковой игры у Ф.М. Достоевского – это остановиться самому или остановить читателя и удивиться (или удивить), именно здесь и возникает познание. Игровой инстинкт – это инстинкт карнавала, выход из энтропии через создание негэнтропии.

Ярче всего мировидение Ф.М. Достоевского выражено в афоризмах писателя, под которыми понимаются генерализованные высказывания, обладающие следующими свойствами: 1) указанием на авторство; 2) нетривиальностью, часто – парадоксальностью выражаемой мысли; 3) краткостью. Все эти свойства являются в той или иной степени относительными: автор речения может быть забыт, нетривиальность, периодически воспроизводимая, становится банальностью, а «длина» афоризма, в большинстве случаев соответствующая числу единиц оперативной памяти человека ($7 \text{ слов} \pm 2$), может сокращаться до трёх знаменательных слов или расширяться до нескольких предложений. Исследованию афоризмов Ф.М. Достоевского посвящён отдельный параграф диссертации. В нём рассматриваются такие аспекты изучения афористики, как ключевые слова, чаще других используемые Ф.М. Достоевским в составе афоризмов, и ассоциативно-смысловые цепочки, образуемые этими словами; референтные области действительности, круг основных тем, с которыми связаны афоризмы; особенности языковой личности автора, отражающиеся в использовании афористических высказываний; основные интенции в употреблении афоризмов.

Как показал проведённый нами статистический анализ афоризмов Ф.М. Достоевского, самыми «афористичными» его персонажами являются Аркадий (причём с абсолютным перевесом), Парадоксалист, Горянчиков, Ставрогин, старец Зосима, Хроникёр, С.Т. Верховенский, князь Мышкин, Смешной человек, Макар Иванович Долгорукий, Версилов, Раскольников, Кириллов, Шатов, Валковский и Д. Кармазов. Причины, по которым Ф.М. Достоевский наделяет своих героев способностью использовать афоризмы в речи, в том числе и внутренней, различны, и определяются они, в конечном счёте, функцией, которую выполняет афоризм. Так, рефлексивная функция часто реализуется в дискурсе Аркадия (роман «Подросток»), где автор показывает становление мировоззрения, системы ценностей молодого человека, поиска им авторитета, того, на что можно было бы опереться. Именно поэтому Аркадий часто «подхватывает» слова своего отца, Версилова, как раз и являющегося для него таким авторитетом, или Макара Ивановича, который авторитетом

становится. Такой же приём «подхватывания» чьих-либо слов Ф.М. Достоевский использует и в других произведениях, например, его знаменитое «Мир спасёт красота» в романе «Идиот». Сам Мышкин этих слов не произносит, их повторяет Ипполит, что, конечно, не случайно, в этом своеобразный приём создания афоризма Ф.М. Достоевским: то, что повторяется, воспроизводится другим, уже в определённой степени является значимым. Афоризмы, используемые в основном для аргументации, мы часто встречаем у Горького («Записки из Мёртвого дома»), Хроникёра («Бесы»), Смешного человека («Смешной человек»), других персонажей, где наиболее отчётливо проявляется позиция автора. Через этих персонажей Ф.М. Достоевский непосредственно обращается к читателю, в отличие, например, от используемых в аналогичной функции афоризмов в речи И. Карамазова, в его диалогах с Алёшей, где как раз и появляется известное *Не стоит она [гармония] слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка* <...> (БрК 223). Здесь образ автора глубоко скрыт, и понимание афоризма зависит от той интенции, которую данное высказывание реализует в конкретном контексте, в данном случае – рефлексивно-аргументационной. Функция афоризма, которую мы обозначили как дидактическую, может заключаться в стремлении научить чему-то, желании изменить точку зрения другого. В чистом виде употребление таких афоризмов мы находим, например, у Макара Ивановича и старца Зосимы или в диалогах Версилова с сыном, Аркадием. В работе было подтверждено предположение, что степень афористичности персонажей у Ф.М. Достоевского зависит от типа изображённых характеров. Чем ярче проявляются характеры персонажа-дидакта (Зосима, Макар Иванович), персонажа-демонического злодея (Валковский, Свидригайлов), рефлексирующего персонажа (Раскольников, Аркадий) и персонажа-шута (Ежевикин, капитан Лебядкин, Фёдор Павлович Карамазов), тем больше вероятность того, что их речь будет насыщена афоризмами. В последнем случае, у персонажей-шутков, афоризм может выполнять ещё одну функцию – доведения чего-либо, например неоспоримого нравственного закона, до абсурда, когда говорящий пытается «спрятаться» от доводов собеседника (возможно, и от самого себя), часто находя оправдание своим поступкам.

В диссертации представлена тематическая классификация оригинальных суждений писателя (примерно 1600 афоризмов), которую можно одновременно рассматривать и как Словарь афоризмов Ф.М. Достоевского. Её основу составили следующие референтные области:

А. ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ

А.І. Душа, бессмертие души

- А.І.1. Сумасшествие, расстройство души
- А.І.2. Человек и судьба, человек и тайна
- А.І.3. Человек и мир; загадка мира

А.ІІ. Жизнь – смерть – бессмертие

- А.ІІ.1. Самоубийство
- А.ІІ.2. Время, воспоминание, прошлое
- А.ІІ.3. Жизнь – страдание

А.ІІІ. Внутреннее состояние и содержание человека

А.ІІІ.1. Любовь

- А.ІІІ.1.1. Страсть
- А.ІІІ.1.2. Любовь – страх
- А.ІІІ.1.3. Любовь – страдание (мучение, мука, боль)
- А.ІІІ.1.4. Любовь – болезнь – Ø⁶
- А.ІІІ.1.5. Любовь – ненависть; ненависть – страх:
- А.ІІІ.1.6. Любовь – ревность
- А.ІІІ.2. Смех; весёлость – серьёзность
- А.ІІІ.3. Счастье – несчастье – болезнь; счастье – горе; счастье – страдание

А.ІІІ.3.1. Болезнь

А.ІІІ.4. Совесть

- А.ІІІ.4.1. Вина – страдание
- А.ІІІ.4.2. Стыд – бесстыдство

А.ІІІ.5. Страх – боль – ложь

А.ІІІ.6. Радость – печаль (горе, беда); апатия

- А.ІІІ.6.1. Надежда – отчаяние

А.ІІІ.7. Мечта, стремление к лучшему, высшему

А.ІІІ.8. Желание

А.ІІІ.9. Спокойствие

А.ІІІ.10. Гнев

А.ІІІ.11. Активность, действенность – пассивность, созерцательность

- А.ІІІ.11.1. Борьба

- А.ІІІ.11.2. Скептицизм

А.ІІІ.12. Впечатление

А.ІІІ.13. Сон

А.ІV. Человек в его отношениях с другими людьми

А.ІV.1. Человек и общество; государство

- А.ІV.1.1. Одиночество (уединение) – общение

- А.ІV.1.2. Общественное мнение, молва (слухи) – Ø

- А.ІV.1.3. Слава (почёт) – позор, презрение

А.ІV.2. Семья, брак – безбрачие

А.ІV.3. Дружба

- А.ІV.3.1. Друг – враг

А.ІV.4. Отношение к другому

- А.ІV.4.1. Оценка другого

- А.ІV.4.2. Сострадание (милосердие, жалость) – злорадство (жестокость)

- А.ІV.4.3. Предательство, подлость

- А.ІV.4.4. Зависть

- А.ІV.4.5. Великодушие, благородство – надменность, высокомерие

- А.ІV.4.6. Деликатность

⁶ Знак Ø указывает на то, что к данной рубрике классификации не было найдено примера, т. е. эта своеобразная лакуна ещё требует заполнения. Необходимость выделения самой рубрики вызвана результатами исследований мировоззрения Ф.М. Достоевского в литературоведческих, философских и др. работах.

- A.IV.4.7. Коллективизм (единение) – индивидуализм
- A.IV.4.8. Самоотверженность (альтруизм) – себя(само)любие (эгоизм)
- A.IV.4.9. Человечность (гуманизм) – бесчеловечность
- A.IV.4.10. Любить – презирать
- A.IV.4.11. Насилие – власть
 - A.IV.4.11.1. Война – мир, победа – поражение
 - A.IV.4.11.2. Преступление
 - A.IV.4.11.3. Пакость
 - A.IV.4.11.4. Суд
- A.IV.4.12. Насмешка
- A.IV.4.13. Мечь
- A.IV.4.14. Благожелательность – Ø
- A.IV.4.15. Наивность (простодушье, простота)
- A.IV.4.16. Недосказанность, молчание
- A.IV.5. Человек и деньги
 - A.IV.5.1. Деньги и игра
 - A.IV.5.2. Брать (просить) в долг – давать в долг (одалживать)
 - A.IV.5.3. Богатство (благосостояние) – бедность (нужда, нищета)
 - A.IV.5.4. Мера (мерка), умеренность
- A.V. Человеческие качества и поступки
 - A.V.1. Грех (порок) – святость
 - A.V.2. Мудрость (ум) – глупость; разум – чувство
 - A.V.2.1. Гениальность
 - A.V.3. Правда, честность – ложь (лицемерие, лесть, клевета)
 - A.V.4. Труд (трудолюбие) – лень
 - A.V.5. Сила – слабость
 - A.V.6. Заурядность – оригинальность
 - A.V.7. Рассудительность (благоразумие) – безрассудство – Ø
- A.VI. Дети и детство; сиротство
 - A.VI.1. Воспитание, средства воспитания
 - A.VI.1.1. Похвала – порицание
 - A.VI.1.2. Наказание – награда; строгость – ласка (любовь, доброта)
 - A.VI.1.3. Власть (требовательность) – авторитет; уважение, доверие
 - A.VI.1.4. Нравственное влияние (пример, образец)
 - A.VI.1.5. Чтение
 - A.VI.1.6. Молитва
 - A.VI.1.7. Воспоминание
 - A.VI.1.8. Самовоспитание, самосовершенствование
 - A.VI.2. Учитель
 - A.VI.3. Образование
- A.VII. Молодость – зрелость – старость
- A.VIII. Женщина
 - A.VIII.1. Жена
- A.IX. Мужчина
 - A.IX.1. Муж, отец
- Б. НРАВСТВЕННОСТЬ**
 - Б.I. Ценность нравственности и нравственные ценности
 - Б.II. «Тайна» нравственности
 - Б.II.1. Понятие нравственности
 - Б.II.2. Назначение нравственности
 - Б.II.3. Нравственное – безнравственное
 - Б.II.4. Моральная проповедь и теория морали – Ø
 - Б.II.5. Нравственный идеал (совершенство)
 - Б.III. Нравственная и духовная жизнь общества

- Б.Ш.1. Нравственность – политика, совесть – власть
- Б.Ш.2. Нравственность и право, совесть и закон – Ø
- Б.Ш.3. Нравственность и искусство
- Б.Ш.4. Бог, вера; нравственность и религия, вера – разум – сила
 - Б.Ш.4.1. Социализм, атеизм
- Б.Ш.5. Нравственность и наука
- Б.ІV. Этические категории
 - Б.ІV.1. Добро – зло
 - Б.ІV.2. Хочу – должен
 - Б.ІV.3. Благо
 - Б.ІV.4. Справедливость – несправедливость – Ø
 - Б.ІV.5. Свобода – гласность
 - Б.ІV.5.1. Долг
 - Б.ІV.6. Достоинство, честь, унижение – бесчестье
 - Б.ІV.7. Характер – бесхарактерность
- Б. V. Нравственность и отношение к природе
 - Б. V.1. Этика и экология
 - Б. V.2. Отношение к животным – Ø
- Б. VI. Этикет, манеры
 - Б. VI.1. Культура поведения
 - Б. VI.2. Вежливость – грубость
- Б. VII. Социально-нравственный тип личности
 - Б. VII.1. Гражданин – мещанин (обыватель), труженик – потребитель
 - Б. VII.2. Свободный человек – раб – Ø
 - Б. VII.3. Хороший – плохой
 - Б. VII.4. Честный – бесчестный
 - Б. VII.5. Достойный – недостойный – Ø
 - Б. VII.6. Благородный – низкий
 - Б. VII.7. Трезвый – пьяный
 - Б. VII.8. Честный – вор (мошенник)
- Б. VIII. Нравственные принципы и нравственное поведение
 - Б. VIII.1. Мысль – намерение – привычка
 - Б. VIII.2. Слово – дело, обещание – исполнение – Ø
 - Б. VIII.3. Дар и благодарность
 - Б. VIII.4. Приносить пользу

В. РОССИЯ И РУССКИЕ

- В. I. Русское государство
- В. II. Народ, связь с народом; народность; православие
- В. III. Нация, национальность
- В. IV. Русское общество
 - В. IV.1. Русский либерализм
 - В. IV.2. Интеллигенция
- В. V. Русский человек
 - В. V.1. Русский характер
 - В. V.2. Русская душа, русский дух
- В. VI. Родина, отечество – иностранцы, «чужие края»; взгляд на иностранцев
- В. VII. Язык; русский язык
- В. VIII. Русский быт

Г. ЭСТЕТИКА

Г.І. Красота – безобразие, уродство

Г.ІІ. Искусство

Г.ІІ.1. Литературное творчество

Г.ІІ.2. Музыка

Г.ІІ.3. Танец

Г.ІІ.4. Театр

Г.ІІІ. Талант

Д.І. ИСТИНА И ПРАВДА

Проведённый статистический анализ степени афористичности идиоглосс показал, что наибольшей значимостью в этом отношении обладают такие лексемы, как *человек, человечество, человеческий, люди; жизнь, знать, идея, любовь, любить, мысль, народ, один, русский, сердце; Бог, великий, время, всякий, высший, дело, душа, жить, мир, общество, чувство; большой, век, вера, вещь, главный, говорить, деньги, дети, добро, достоинство, друг, дорогой, дух, женщина, закон, земля, зло, идеал, иметь, иногда, истина, красота, настоящий, непременно, никогда, нравственный, первый, почти, правда, природа, Россия, свет, сила, сильный, сказать, слово, смешной, способность, страдание, счастье, ум, хороший, чрезвычайно*. Данные идиоглоссы образуют центр концептуального поля афоризмов Ф.М. Достоевского, отражают взгляд писателя на мир.

В **Заключении** формулируются основные выводы в соответствии с задачами исследования и положениями, выносимыми на защиту.

1. Концепция языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым, служит методологической основой для создания многопараметрового словаря языка писателя. Эта открытая и гибкая модель позволяет, применительно к творчеству Ф.М. Достоевского, через словарное представление показать основные особенности языковой личности писателя. Она также может быть использована при описании особенностей любой языковой личности, только система и значимость отдельных параметров в этом случае станет иной.

2. Принципиальная особенность Словаря языка Достоевского, явившегося новым шагом в развитии отечественной теории и практики составления писательских словарей, заключается в том, что в нём описываются не все слова, употреблённые автором, а только значимые для его идиостиля, идиоглоссы. Предложенную процедуру выявления идиоглосс можно считать достаточно релевантной для подтверждения их особой роли в языковой картине мира писателя.

3. Многоаспектное изучение идиоглосс позволяет определить не только характерные черты авторского стиля, но и познать некоторые особенности

писательского мировоззрения, находящие отражение в Словаре языка Достоевского – как в самой структуре словарной статьи, так и в сопровождающем её лингвистическом комментарии, представленном в виде зон, различного рода параметров, характеризующих употребление слова в текстах Ф.М. Достоевского. В проведённом исследовании подробно раскрывается содержание отдельных параметров, таких как символическое употребление слова, нестандартная сочетаемость, ассоциативные связи идиоглоссы, употребление слова в игровом контексте, в составе автонимного высказывания и афоризма.

4. Использование ресурсов Словаря языка Достоевского позволило

1) составить классификацию случаев нестандартного употребления слова в текстах писателя, показать его идиостилевую значимость;

2) выявить лексико-тематические области непонимания современным читателем в произведениях Ф.М. Достоевского и предложить модель их лексикографического представления, составить словарь атопонов, основой которого явились агнонимы, единицы непонимания семантико-грамматического уровня языковой личности;

3) предложить новую трактовку таких понятий, как «символическое употребление слова» и «символическая парадигма», выявить типы символов Ф.М. Достоевского, дать их классификацию и на этой основе сконструировать авторский тезаурус;

4) квалифицировать автонимное употребление слова в качестве одного из критериев подтверждения его идиоглоссного статуса, выявить способы экспликации автонимности в текстах Ф.М. Достоевского;

5) изучить функции афоризмов Ф.М. Достоевского, составить их классификацию, непосредственным образом отражающую авторский эйдос, определить степень афористичности идиоглосс (предлагаемую классификацию афористических высказываний следует рассматривать и как особого типа словарь оригинальных суждений писателя);

б) предложить типологию игрового употребления слова у Ф.М. Достоевского, выявить функции языковой игры в текстах писателя, показать основные авторские интенции её использования; как один из типов игры слов квалифицировать новообразования Ф.М. Достоевского, гапаксы, составить их классификацию; определить особую рефлексивную и игровую функцию глагола *знать*.

Решение поставленных в диссертации задач вовсе не означает окончательного комплексного многопараметрового описания языка Достоевского, проводимого с использованием ресурсов Словаря. Перспективы такого исследования языка Ф.М. Достоевского мы видим в изучении

– фигур речи, используемых писателем, прежде всего – амплификации и гиперболизации, служащих для усиления, нагнетания смысла, компенсирующих столь характерную для Ф.М. Достоевского неопределённость; различного рода уточнений и пояснений, функций противопоставления и повторов и др.;

– функций безобъектного употребления переходных глаголов *переступить, обнять, простить, шептать, хотеть, желать, напомнить, ждать, изменить, решиться* и др.;

– метафор и метафорических моделей, метонимии, авторских сравнений; в дальнейшем планируется составление Словаря тропов Достоевского;

– функций отсылок к прецедентным текстам в произведениях писателя, многие из которых исследованы недостаточно;

– способов создания иронического контекста, связи иронии с игровым употреблением слова;

– дискурсивных слов в произведениях писателя – модальных частиц, междометий, союзов, их сочетаний;

– характерных особенностей речи отдельных персонажей, сравнительный анализ которых позволит выявить типы языковых личностей героев Ф.М. Достоевского;

– типов и функций повторов, семантических и лексических;

– особенностей авторской пунктуации, позволяющей рассматривать произведения Ф.М. Достоевского как «звучащий» текст, и др.

Кроме основной части в диссертационной работе содержится 7 приложений. В **Приложении 1** даётся исходный список идиоглосс, подлежащих описанию в Словаре языка Достоевского. **Приложение 2** представляет собой словарь атопонов-агнонимов, непонятных или малопонятных для современного читателя слов, встречающихся в текстах писателя. В **Приложении 3** приводится список словоформ, входящих в зафиксированные афоризмы Ф.М. Достоевского, с указанием частоты их употребления. В **Приложение 4** включён указатель имён персонажей из произведений Ф.М. Достоевского, используемых при раскрытии анафор. Список используемых в работе сокращений, в том числе названий произведений Ф.М. Достоевского, вынесен в **Приложение 5**.

Приложение 6 содержит примеры написанных нами и пока ещё не изданных словарных статей Словаря языка Достоевского. **Приложение 7** включает дополнительный материал к отдельным параграфам диссертации: тематическую классификацию афоризмов Ф.М. Достоевского, типологию случаев игрового употребления, описание отдельных идиоглосс.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определённых ВАК:

1. Ружицкий, И. В. Символическое употребление слова в произведениях Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Мир русского слова. – 2008. – № 1. – С. 58–63.
2. Ружицкий, И. В. Автонимное употребление слова в художественном тексте [Текст] / И. В. Ружицкий // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Филологические науки. Национальное и индивидуальное в языке и речи. – 2009. – Вып. 578. – С. 100–110.
3. Ружицкий, И. В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия [Текст] / И. В. Ружицкий // Вестник Центра междунар. отношений МГУ имени М. В. Ломоносова. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2011. – Вып. 3. – С. 75–83.
4. Ружицкий, И. В. О языке Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия «Лингвистика и педагогика». – 2012. – № 2. – С. 105–113.
5. Ружицкий, И. В. Русский государственный язык: «диагноз» и «лечение» [Текст] / И. В. Ружицкий // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Филологические науки. Текст и метатекст. – 2012. – Вып. 22(655). – С. 7–20.
6. Елистратов, В. С. О проекте «Словаря союзных слов России» [Текст] / В. С. Елистратов, И. В. Ружицкий // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2013. – № 2. – С. 143–148 (личный вклад – 70 %).
7. Ружицкий, И. В. Проблема формирования билингвальной личности [Текст] / И. В. Ружицкий, Е. В. Потёмкина // Мир русского слова. – 2013. – № 2. – С. 81–90 (личный вклад – 50 %).
8. Ружицкий, И. В. Археконцепты: лексикографическое представление [Текст] / И. В. Ружицкий // Известия Юго-Западного гос. ун-та. – 2013. – № 6(51). – С. 264–271.
9. Ружицкий, И. В. Языковая игра у Ф. М. Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 15–22.
10. Ружицкий, И. В. Афоризмы Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Русская речь. – 2014. – № 5. – С. 30–37.
11. Ружицкий, И. В. Что мы не всегда понимаем у Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Русская речь. – 2014. – № 6. – С. 19–28.
12. Ружицкий, И. В. Культурная память как прецедентный текст [Текст] / И. В. Ружицкий // Вестник Центра междунар. отношений МГУ имени М. В. Ломоносова. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2014. – Вып. 3. – С. 61–67.

13. Елистратов, В. С. О проекте «Словаря когнем постсоветского лингвокультурного пространства» [Текст] / В. С. Елистратов, И. В. Ружицкий // Современные проблемы науки и образования: Науч. электр. журнал. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/121-17824> (личный вклад – 75 %)
14. Ружицкий, И. В. Ещё раз о «небрежении словом» Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2(139). – С. 234–241.
15. Ружицкий, И. В. Афоризмы в политическом дискурсе Ф. М. Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Политическая лингвистика. – 2015. – Вып. 1(51). – С. 214–218.
16. Красильникова, Л. В. О возможностях использования ассоциативного словаря в практике преподавания русского языка как иностранного [Текст] / Л. В. Красильникова, И. В. Ружицкий, Э. А. Ружицкая // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 2(24). – С. 204–209 (личный вклад – 80 %).

Монографии:

17. Ружицкий, И. В. Идиоглоссарий. Тезаурус. Эйдос [Текст] / И. В. Ружицкий // Слово Достоевского–2014. Идиостиль и картина мира: коллективная монография / под общ. ред. Е. А. Осокиной. – М.: ЛЕКСПУС. – 2014. – С. 132–216; 261–267.
18. Ружицкий, И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос [Текст] / И. В. Ружицкий. – М.: ЛЕКСПУС. – 2015. – 543 с.

Публикации в сборниках научных трудов и материалов конференций:

19. Ружицкий, И. В. О некоторых проблемах комментирования художественного текста в аспекте его восприятия носителем иной культуры [Текст] / И. В. Ружицкий // Повышение эффективности обучения иностранных студентов на основе активизации учебно-адаптационного процесса: сб. науч.-метод. тр. – Тверь: Тверской политех. институт. – 1994. – С. 50–53.
20. Ружицкий, И. В. Колокольчики и колокола: генезис образа [Текст] / И. В. Ружицкий // Тезисы докладов III междунар. конф. «Язык и культура». – Киев: Украинский институт междунар. отношений. – 1994. – С. 124.
21. Ружицкий, И. В. О некоторых проблемах комментирования художественного текста [Текст] / И. В. Ружицкий // Понимание и интерпретация текста: сб. науч. ст. – Тверь: Тверской гос. ун-т. – 1994. – С. 88–96.
22. Ружицкий, И. В. О презумпции неполного понимания [Текст] / И. В. Ружицкий // Понимание менталитета и текста: сб. науч. тр. – Тверь: Тверской гос. ун-т. – 1995. – С. 36–42.
23. Ружицкий, И. В. Модальные частицы как средство реализации прагматического уровня языковой личности (на материале повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат») [Текст] / И. В. Ружицкий // Тр. и материалы I междунар. конгресса исследователей русского языка

- «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2001. – С. 174–175.
24. Ружицкий, И. В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности [Текст] / И. В. Ружицкий // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. – Вып. 16. – М.: МАКС Пресс. – 2001. – С. 13–19.
25. Гинзбург Е. Л. Комментарий в статье словаря Ф. М. Достоевского [Текст] / Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, И. В. Ружицкий и др. // Тезисы докладов междунар. науч. конф. «Изменяющийся языковой мир». – Пермь. – 2001. – С. 16–18 (личный вклад – 25 %).
26. Ружицкий, И. В. Словарь языка Ф. М. Достоевского и возможности его использования на занятиях по русскому языку как иностранному [Текст] / И. В. Ружицкий // Слово. Грамматика. Речь. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2002. – С. 172–181.
27. Ружицкий, И. В. Концепт «Америка» в дискурсе Ф. М. Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы междунар. симпозиума «Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста»: науч. ст. – Волгоград: Перемена. – 2003. – С. 253–257.
28. Ружицкий, И. В. Русская картина мира и русский менталитет в языке писателя (на материале «Словаря языка Ф. М. Достоевского») [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы X конгресса МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре». – СПб.: Политехника. – 2003. – С. 339–344.
29. Ружицкий, И. В. Функция языковой игры в художественном тексте [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы III междунар. науч.-метод. конф. «Текст: проблемы и перспективы». – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2004. – С. 251–252.
30. Ружицкий, И. В. Что такое бездна [Текст] / И. В. Ружицкий, С. Н. Шепелева // Русское слово в русском мире: сб. науч. ст. / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко. – Москва; Калуга: ИД «Эйдос». – 2004. – С. 216–224 (личный вклад – 50 %).
31. Ружицкий, И. В. Игровое употребление слова и прецедентные тексты в комментарии (на материале «Словаря языка Ф. М. Достоевского») [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы XVIII междунар. Старорусских чтений 2002 г. «Достоевский и современность». – Великий Новгород. – 2003. – С. 157–166.
32. Ружицкий, И. В. О познавательной функции языковой игры [Текст] / И. В. Ружицкий // Межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. ст. – Пермь: ГОУ ВПО «Пермский гос. ун-т». – 2004. – С. 51–59.
33. Ружицкий, И. В. Образ бездны в индивидуальном и массовом сознании [Текст] / И. В. Ружицкий, С. Н. Шепелева // Материалы междунар. конгресса по креативности и психологии искусства. – Пермь: Смысл. – 2005. – С. 336–339 (личный вклад – 50 %).
34. Ружицкий, И. В. Мнемы и преподавание русского языка как иностранного [Текст] / И. В. Ружицкий // Russian through the Years: A Mosaic of Language, Literature and Culture. International Seminar cum Workshop 8–10 November 2005. Abstracts. Centre of Russian

- Studies. School of Language, Literature and Culture Studies. Jawaharlal Nehru University. – New Delhi. – 2005. – С. 9–10.
35. Ружицкий, И. В. Мнемы и преподавание русского языка [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Мотинские чтения»*. Ч. II. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов. – 2005. – С. 575–581.
36. Ружицкий, И. В. Мнемы и межкультурная коммуникация [Текст] / И. В. Ружицкий // *Russian through the Years: a Mosaic of Language, Literature and Culture* / Ed. By Sankar Basu. – New Delhi. – 2005. – С. 134–139.
37. Ружицкий, И. В. Мнемы как ключевые образы языкового сознания [Текст] / И. В. Ружицкий // *Русское слово в русском мире: Государство и государственность в языковом сознании россиян: сб. науч. ст. / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого*. – М.: Азбуковник. – 2006. – С. 176–195.
38. Ружицкий, И. В. О возможном подходе к анализу функционирования русских модальных частиц [Текст] / И. В. Ружицкий // *Русский язык, литература, культура в школе и вузе*. – 2005. – № 6. – С. 22–25.
39. Ружицкий, И. В. «Деньги» Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы междунар. науч. конф. «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения»*. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов. – 2006. – С. 268–273.
40. Ружицкий, И. В. Символы Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // *Тр. и материалы III междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. – М.: МАКС Пресс. – 2007. – С. 680.
41. Ружицкий, И. В. Мнемы в картине мира писателя [Текст] / И. В. Ружицкий // *Языковая личность: Текст, словарь, образ мира: сб. науч. ст.* – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов. – 2006. – С. 118–123.
42. Ружицкий, И. В. Прагматический компонент значения слова [Текст] / И. В. Ружицкий // *Reosiahag. – Institute of Russian Studies, Chungbuk National University*. – 2007. – № 3. – С. 65–79.
43. Ружицкий, И. В. О новых тенденциях в развитии авторской лексикографии (на примере «Словаря языка Ф. М. Достоевского») [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы XI конгресса МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире»*. Т. 2: Проблемы фразеологии. *Русская лексикография: Тенденции развития*. – Sofia: Heron Press. – 2007. – С. 510–514.
44. Лилеева А. Г. Учебный комментарий как текст [Текст] / А. Г. Лилеева, И. В. Ружицкий // *Материалы IV междунар. науч.-практ. конф. «Текст: проблемы и перспективы»*. – М.: МАКС Пресс. – 2007. – С. 217–218.
45. Ружицкий, И. В. Textoобразующая функция слова «вдруг» в произведениях Ф. М. Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы IV междунар. науч.-практ. конф. «Текст: проблемы и перспективы»*. – М.: МАКС Пресс. – 2007. – С. 306–308.

46. Ружицкий, И. В. Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских носителями иных культур [Текст] / И. В. Ружицкий // Русское слово в русском мире 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: сб. науч. ст. / под ред. И. В. Ружицкого, Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко. – М.: ЦП «Васиздаст». – 2008. – С. 5–21, 196–229.
47. Ружицкий, И. В. Функционирование слова в речи [Текст] / И. В. Ружицкий // *Materialy Międzynarodowej konferencji Lingwistycznej «Przeszłość i terażniejszość Rosji w świetle faktów językowych»*. – Kraków. – 2008. – С. 124–129.
48. Ружицкий, И. В. Слово «вдруг» у Достоевского: словарное представление [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы XXIII междунар. Старорусских чтений «Достоевский и современность»*. – Великий Новгород. – 2009. – С. 12–20.
49. Ружицкий, И. В. Автонимное употребление слова в текстах Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы междунар. науч. конф. «Слово и текст: Коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты»*. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос». – 2009. – С. 89–91.
50. Ружицкий, И. В. Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: к проекту создания словаря гештальтов [Текст] / И. В. Ружицкий // *Мова і культура (науковий журнал)*. – Киев. – 2009. – Вип. 12. – Т. III(128). – С. 129–135.
51. Ружицкий, И. В. Функционирование модальных частиц [Текст] / И. В. Ружицкий // *Книга о грамматике: науч. изд. / под ред. А. В. Величко*. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2009. – С. 457–482.
52. Ружицкий, И. В. «Я знаю, что ты знаешь...» (к семантике глагола «знать» в текстах Ф. М. Достоевского) [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы XXIV междунар. Старорусских чтений «Достоевский и современность»*. – Великий Новгород. – 2010. – С. 230–235.
53. Ружицкий, И. В. От символической картины мира к тезаурусу [Текст] / И. В. Ружицкий // *Тр. и материалы IV междунар. конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2010. – С. 270–271.
54. Ружицкий, И. В. Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур [Текст] / И. В. Ружицкий // *Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»*. – 2010. – № 3. – С. 19–27.
55. Ружицкий, И. В. От символической картины мира к тезаурусу (о возможности реконструкции языковой личности Достоевского) [Текст] / И. В. Ружицкий // *Материалы I междунар. науч.-практ. интернет-конференции «Русский язык@Литература@Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом»*. – М.: МАКС Пресс. – 2010. – С. 373–381.
56. Кузьминова, Е. А. Художественный текст в иноязычной аудитории (к выходу в свет хрестоматии «Современная русская проза–XXI век») [Текст] / Е. А. Кузьминова, И. В. Ружицкий // *Материалы I междунар. науч.-практ. интернет-конференции «Русский язык@Литература@Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом»*. – М.: МАКС Пресс. – 2010. – С. 1743–1747 (личный вклад – 50 %).

57. Ружицкий, И. В. Лингводидактические аспекты концепции языковой личности [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. «Словесник. Учитель. Личность». – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. – 2010. – С. 12–18.
58. Кузьминова Е. А. Художественный текст в иноязычной аудитории (проблема комментирования) [Текст] / Е. А. Кузьминова, И. В. Ружицкий // Материалы II междунар. конф. «Русский язык и литература в международном общеобразовательном пространстве: современное состояние и перспективы». – Гранада. – 2010. – Т. II. – С. 918–923 (личный вклад – 50 %).
59. Ружицкий, И. В. Лексикографическая параметризация языковой личности Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Тр. и материалы III междунар. науч.-практ. интернет-конференции Русский язык@Литература@Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом. – М.: МАКС Пресс. – 2011. – С. 523–536.
60. Ружицкий, И. В. Функционирование слова «дурак» в текстах Ф. М. Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Reosiahag. – Institute of Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University. – 2011. – № 2. – С. 125–139.
61. Ружицкий, И. В. «Дурак» и «дураки» в произведениях русской литературы XIX века [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы V междунар. науч.-практ. конф. «Текст: проблемы и перспективы». – М.: МАКС Пресс. – 2011. – С. 15.
62. Ружицкий, И. В. Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: словарное представление [Текст] / И. В. Ружицкий // Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ». – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – 2011. – С. 41–45.
63. Ружицкий, И. В. Textoобразующая функция слова «вдруг» в произведениях Ф. М. Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2011. – № 3. – С. 18–25.
64. Елистратов В. С. О проекте «Словарь языка И. С. Тургенева: информационно-поисковая система» [Текст] / В. С. Елистратов, Ю. Н. Караулов, И. В. Ружицкий // Вестник Московского института лингвистики. – 2012. – № 1. – С. 22–26 (личный вклад – 30 %).
65. Ружицкий, И. В. О языковой личности одного иностранного аспиранта (на материале личных писем) [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы Региональной науч.-практ. конф. «Пространство языка – пространство культуры». – М.: МАРХИ. – 2013. – С. 81–83.
66. Ружицкий, И. В. Гапаксы Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Междунар. науч.-исслед. журнал. Филология. – Екатеринбург. – 2013. – № 7(14). – Ч. IV. – С. 40–43.
67. Ружицкий, И. В. Что мы не понимаем у Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Язык. Литература. Культура. – М.: МАКС Пресс. – 2013. – Вып. 9. – С. 217–234.
68. Ружицкий, И. В. О языке Достоевского [Текст] / И. В. Ружицкий // Науч. вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 9. – С. 73–81.

69. Ружицкий, И. В. Атопоны Достоевского: к проекту словаря [Текст] / И. В. Ружицкий // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1(5). – Томск. – С. 56–75.
70. Елистратов В. С. Понимаем ли мы русский государственный язык? [Текст] / В. С. Елистратов, И. В. Ружицкий // Русское слово в русском мире-2012: Государственный язык как отражение общественно-политических процессов в современной России: сб. науч. тр. / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ. – 2014. – С. 125–163 (личный вклад – 75 %).
71. Ружицкий, И. В. Мир Достоевского, отражённый в Словаре языка писателя [Текст] / И. В. Ружицкий // Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций», посвящённой 40-летию образования и науч. деятельности кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального ун-та. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный. – 2014. – С. 66–68.
72. Ружицкий, И. В. Использование категории мнемы в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / И. В. Ружицкий // Материалы юбилейной междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 60-летию со дня основания первого в России подготовительного ф-та для иностранных учащихся. «Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации». Т. 2. – М.: Изд-во «Перо». – 2015. – С. 141–147.
73. Ружицкий, И. В. Гапаксы как разновидность языковой игры (на материале текстов Ф. М. Достоевского) [Текст] / И. В. Ружицкий // ВОСЕМЬДЕСЯТ: сб. науч. ст. к 80-летию И. С. Улуханова / отв. ред. М. А. Малыгина. – М.: Азбуковник. – 2015. – С. 287–293.

Лексикографические издания:

74. Ружицкий, И. В. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник. – 2003. – Вып. II. – 510 с. (в соавт. с Гинзбургом Е. Л., Коробовой М. М., Цыб Е. А. и др.).
75. Ружицкий, И. В. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / под ред. Ю. Н. Караулова. – Вып. III. – М.: Азбуковник. – 2003. – 559 с. (в соавт. с Гинзбургом Е. Л., Коробовой М. М., Цыб Е. А. и др.).
76. Ружицкий И. В. Караулов Ю. Н. // Филологический факультет Московского университета: Энциклопедический словарь / гл. ред. М. Л. Ремнёва. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2005. – С. 116–117.
77. Ружицкий, И. В. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник. – 2008. – 962 с. (в соавт. с Гинзбургом Е. Л., Коробовой М. М., Цыб Е. А. и др.).
78. Ружицкий, И. В. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник. – 2010. – 1049 с. (в соавт. с Коробовой М. М., Осокиной Е. А., Цыб Е. А. и др.).

79. Ружицкий, И. В. Вместо предисловия [Текст] / И. В. Ружицкий // Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник. – 2010. – С. VIII–XVII.

80. Ружицкий, И. В. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник. – 2012. – 847 с. (в соавт. с Коробовой М. М., Осокиной Е. А., Цыб Е. А. и др.).

Учебные издания:

81. Ружицкий И. В. Частицы // Книга о грамматике: уч. изд. / под ред. А. В. Величко. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2004. – С. 137–165.

82. Ружицкий И. В. Функционирование модальных частиц: уч. изд. // Книга о грамматике. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А. В. Величко. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 2004. – С. 466–496.

83. Ружицкий И. В. Из истории русской художественной культуры / под ред. А. Г. Лилеевой, И. В. Ружицкого. – М.: Флинта. – 2006. – 280 с. (в соавт. с Горбачёвой И. И., Ершовой Л. В., Лилеевой А. Г. и др.).

84. Ружицкий И. В. Проблема языковой личности // Психолингвистика: Учебник для вузов / под ред. Т. Н. Ушаковой. – М.: ПЕР СЭ. – 2006. – С. 100–101.

85. Ружицкий И. В. Из истории русской культуры / под ред. А. Г. Лилеевой, И. В. Ружицкого. – М.: Гуманитарий. – 2008. – 240 с. (в соавт. с Бархударовой Е. Л., Горбачёвой И. И., Лилеевой А. Г. и др.).

86. Ружицкий И. В. Современная русская проза – XXI век: Хрестоматия для иностранных учащихся: Часть I / под ред. Е. А. Кузьминовой, И. В. Ружицкого. – М.: Русский язык: Курсы. – 2009. – 376 с. (в соавт. с Баландиной Н. В., Евтихиевой А. С., Кузьминовой Е. А. и др.).

87. Ружицкий И. В. Из истории русской художественной культуры: Программа для иностранных учащихся // под ред. Л. Н. Кашежевой, Л. В. Ершовой, А. Г. Лилеевой. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: МАКС Пресс. – 2010. – 139 с. (в соавт. с Бархударовой Е. Л., Лилеевой А. Г. и др.).

88. Ружицкий И. В. Современная русская проза – XXI век: Хрестоматия для иностранных учащихся: Часть II / под ред. И. В. Ружицкого. – М.: ИНФОТЕХ. – 2013. – 326 с. (в соавт. с Баландиной Н. В., Илюшиным Е. А., Лилеевой А. Г. и др.).